

ОЛЬГА ЛИ

ПРОДАННАЯ

ЛЕКАРКА БЫВШЕГО ДРАКОНА

Ольга Ли

**Проданная. Лекарка
бывшего дракона**

«Литнет»

2026

Ли О.

Проданная. Лекарка бывшего дракона / О. Ли — «Литнет», 2026

♥#НОВИНКА! ХОЗЯЙКА ДРАКОНЬЕЙ ДОЛИНЫ -«Вы не сможете», — сказали мне после четырёх неудачных попыток ЭКО. А я... смогла! Правда, весьма необычным способом: попала в тело юной лекарки, которая только что родила от врага-дракона. Он клялся вернуться и жениться, но не сдержал слов. Рыдать не буду, ведь я — московская бизнес-вумен, которая всего добьётся сама и в новом мире. Но спустя семь лет я потеряла всё, что нажила своим трудом, оказавшись в плену... Рабский ошейник... аукцион... А в господах тот, кому не нужно знать о нашем сыне в далёком пансионе для драконов...***— Отмойте её! — командует надсмотрщик. — И оденьте как положено, она пойдёт в наложницы и должна выглядеть хорошо. Пусть покажет свои прелести. — Говорят, сегодня будет управляющий лорда Баррейна, — многозначительно сообщает одна из мойщиц. — Очень хорошо, — склбится мужчина, — он не скупится на золото, может, и наша девка ему приглянётся, — и усмехается: — Попользует её, а потом подарит кому, как обычно, на что эти дуранские бабы ещё годны... *** Однотомник, самостоятельная история. ***Вас ждут: Сильная попаданка Властный дракон↗ Противостояние характеров От ненависти до любви# Встреча через время Ребёнок-тайна🐉# Всем по заслугам Стопроцентный ХЭ для тех, кто заслужил!История для литмоба "Чудотворная любовь", все книги:

© Ли О., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Всё бы отдала...	5
Глава 2. Аукцион	12
Глава 3. Прежняя жизнь	19
Глава 4. Дракон без дракона	24
Глава 5. Встреча	29
Глава 6. Надежда	35
Глава 7. Чужие чувства	42
Глава 8. Тёмная госпожа	49
Глава 9. Свободная	53
Глава 10. Чёрный цветок	57
Глава 11. Ночные открытия	62
11. Продолжение	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Глава 1. Всё бы отдала...

Светлана

— Светлана Николаевна, выносить ребёнка у вас не получится. С учётом всех предыдущих попыток ЭКО, тонкого эндометрия и гормональных скачков, я бы рекомендовала вам рассмотреть другие способы.

— Какие? — догадываюсь, что она скажет, но цепляюсь за каждое слово: надежду иметь ребёнка так просто не убьёшь. Особенно, когда тебе уже сорок семь.

— У нас есть прекрасные суррогатные матери, проверенные, с отличным здоровьем, подберём вам лучшую и...

— Нет, — перебиваю, глядя в стол. — Я хочу сама, как и полагается женщине.

Марина Борисовна снимает очки, трёт переносицу — жест, который я уже выучила наизусть — так она делает, когда подбирает слова помягче.

— Сами вы уже не сможете, Светлана Николаевна... — и хоть голос её звучит мягко, профессионально, всё же разрывает мне сердце в клочья.

«Как ни подбирай слова, правда ранит», — задерживаю дыхание, чтобы не разрыдаться на выдохе.

— Вы же взрослая женщина, с медицинским образованием, сами всё прекрасно понимаете. Овариальный резерв истощён, гормональная стимуляция не даёт результата, а в вашем возрасте каждая последующая попытка несёт колоссальные риски для здоровья. Я не имею права молчать: ещё одно ЭКО может серьёзно...

— Спасибо, — говорю ровно, будто услышала прогноз погоды. — Я поняла.

Встаю, пожимаю ей руку, сухо, по-деловому, как на переговорах с поставщиками. Не дай бог кто-то увидит мою слабость, как нестигаемая и жёсткая хозяйка сети аптек плачет от ощущения безысходности в кабинете своего гинеколога.

Марина Борисовна смотрит с профессиональным сочувствием, кажется, даже хочет сказать что-то утешительное, но я уже разворачиваюсь к двери. Спина прямая, каблуки стучат уверенно, лицо холодное, ни дать ни взять расчётливая бизнес-леди, какой меня все и считают. Идеальная и бессердечная стерва, провинциальная выскочка, покоровшая Москву, идёт к своей дорогой машине так, словно ничего не случилось, словно не было четырёх неудачных попыток и слёз в подушку.

Но я держусь, и выдержки хватает ровно до тех пор, пока за мной не закрывается дверь внедорожника.

«А вот в машине можно...» — сажусь в кресло и, наконец, выдыхаю, руки начинают трястись мелкой дрожью. Впиваюсь ногтями со свежим ярко-красным маникюром в ладони, упираюсь лбом в холодную кожу сиденья и... плачу. Нет, рыдаю, тихо, жалобно, сквозь стиснутые зубы.

«Ну вот, Света, тебе снова говорят, что у тебя не получится».

Так говорили, когда я в семнадцать лет поступала в медицинский. Мать-алкоголичка тогда лишь усмехнулась: «Куда тебе, Светка, ты ж из Бобровки, кто тебя в городе ждёт, бабью там она дорога — на панель». А я взяла и поступила с первого раза на бюджет.

«Не получится», говорили, когда после фармфака Воронежского государственного я переезжала в Москву с одним чемоданом и тремя тысячами рублей, накопленных ночными сменами в круглосуточной аптеке, где подрабатывала после пар. Бывший однокурсник-мажор хмыкнул тогда: «Хромова, куда тебе в Москву, сожрёт она тебя».

Столица не сожрала, напротив, дала взлететь. Я быстро устроилась в аптеку, потом в другую, потом повышение получила, потом ещё, а потом... открыла своё дело. Ирония, но

когда начинала мне тоже говорили, что не получится: «Женщина в фармбизнесе?», «Без связей и без мужика?», «Без помощи родителей?» — и крутили пальцем у виска.

А вот когда я открыла вторую, пятую, десятую точку тех, кто говорил «не получится», рядом не осталось. Мать спилась окончательно и угорела в пожаре от непотушенной сигареты, отца я не знала, подруги все остались в Воронеже, где прошло студенчество.

Шли годы, и я открыла двенадцать аптек, создала сеть с именем и репутацией, в нелёгкие санкционные времена организовала поставки редких препаратов, спонсирую благотворительные программы, помогаю детским домам...

«Всё, за что бралась, — получилось, а ребёнка, такого желанного ребёнка родить не могу...» — вытираю слёзы тыльной стороной ладони, размазывая тушь, и смотрю на себя в зеркало.

Сорок семь лет, ухоженная, подтянутая, выгляжу на тридцать пять, не больше. Глаза красные, нос распух, но через полчаса это пройдёт, всё всегда проходит, а потом я выдыхаю и нахожу варианты. Я же сильная Света из Бобровки, которая всего добилась сама.

«Уже ведь смирилась, что рожу без мужика, — думаю, включая зажигание. — Приняла, что буду соло-мамой, всё прикинула, просчитала, что потяну. Да и морально... знаю, что ребёнка вырастить смогу, давно готова...»

Машина мягко гудит, я включаю любимую радиостанцию с классической музыкой и выезжаю с парковки частной клиники, в которой, несмотря на все мои деньги, не получила то, чего хотела, и думаю: «А что было бы в тридцать, если бы мне попался нормальный мужик?»

В тридцать я верила, что встречу того, с кем создам крепкую семью, но с личной жизнью не складывалось, я даже украдкой к бабке ходила, венец безбрачия снимала.

Видно, не вышло...

Были, конечно, попытки устроить личную жизнь, чтобы родить в полной семье, но в сорок пять решила: не буду ждать подходящего мужика, время идёт, рожу для себя.

Поворачиваю, выезжаю на проспект, вливаюсь в шумный поток машин. Мартовское солнце бьёт в лобовое стекло, опускаю козырёк, приятный мужской голос по радио говорит о магнитных бурях и бедных москвичах, а у меня в голове всё ещё звучит голос Марины Борисовны: «Сами вы уже не сможете...»

«Сеть аптек открыть смогла, — думаю я, делая радио потише. — Работаю похлеще любого мужика, с нуля всё построила, а вот ребёнка... ребёнка родить не могу. Единственное, чего хотела по-настоящему, — и не вышло. Боже, какая ирония...»

Светофор загорается зелёным, поворачиваю направо, слегка расслабляюсь на тихой знакомой дороге, до дома ехать ещё минут двадцать.

«Может, всё-таки, суррогатная мать? — задумываюсь я. — Если по-другому никак...»

И тут на дорогу выбегает девочка лет пяти, в розовой курточке, со светлыми хвостиками. Она несётся за мячом, не глядя по сторонам, прямо под колёса, и её мать где-то позади кричит тонким, срывающимся голосом:

— Варя! Сто-о-ой!

Реагирую мгновенно, с силой бью по тормозам. Руль уходит вправо, шины визжат, и последнее, что я вижу, — бетонный столб, который летит мне навстречу с нечеловеческой скоростью.

Удар... Хруст... Дикая боль... Что-то тёплое бежит по лицу. Воздух уходит. «Девочка... я же тебя не задела?..» — и меня накрывают темнота и тишина.

И вдруг в ноздри бьёт какой-то горький травяной запах, похожий на полынь, эвкалипт и дым вместе взятые. А ещё мне больно, но не в голове, которой я очевидно ударилась, не в груди, в которой разлилась свинцовая тяжесть после разговора с врачом, а ниже, гораздо ниже, между ног.

«Странно», — открываю глаза и сквозь мутную пелену вижу не белый потолок с больничными лампами, как это должно бы быть, а бревенчатый неровный скат.

Морщусь от боли и пытаюсь пошевелиться.

— Милая, слава Пресветлой, ты выкарабкалась! А то я уж не знала, что с твоим ребёнком делать... — раздаётся хриплый старушечий голос.

«С моим ребёнком?!» — сердце подпрыгивает, больно ударяется о рёбра.

Моргаю быстро-быстро, в глаза словно песка насыпали, веки неподъёмные, свинцовые. Пытаюсь пошевелиться и кажется, что тело чужое, слишком слабое и измученное. Всё болит, но болит как-то иначе: не как у женщины в сорок семь после удара об столб, а как у молодого тела, которое прошло через что-то первобытное и страшное.

— С моим ребёнком?.. — едва ворочаю языком, но слышу, что этот тихий слабый голос не мой.

— Ой, совсем ты плоха была, девонька! — надо мной склоняется морщинистая старуха с добрым тёмным от загара лицом, на голове у неё платок, повязанный по-старинному.

Живые цепкие глаза смотрят на меня с тёплым сочувствием:

— Мальчик у тебя, милая! Крепкий, здоровый мальчик. Я его уж козым молоком отпавала, ты как родила, два дня в горячке пролежала. Ей-ей, еле выходила тебя. Думала уж всё, вслед за матушкой отправишься к Пресветлой...

«Два дня. Роды. Мальчик. Козье молоко...» — слова доходят с задержкой, соображаю туго, в голове никак не укладываются ни это место, ни старуха, всё кажется инородным, чужим.

«Господи, да что вообще происходит?»

— Лежи-лежи, не вставай! — старуха мягко, но крепко прижимает меня к подушке. — Кровь-то только к утру останавливаться начала, я тебе и пастушью сумку заваривала, и кровохлёбку, и молитву читала... Сильная ты, Лея, ох и сильная. Я у матери твоей тебя принимала, а теперь вона, и у тебя дитя... Мать твоя, покойница, такая же была, крепкая да упрямая, как горная козочка.

«Лея? Это что, меня так зовут?..»

Холодеющими пальцами нащупываю край одеяла, грубого, толстого осторожно опускаю взгляд и смотрю на руки: тонкие, молодые, с длинными пальцами и коротко обрезанными ногтями, под которыми зелёные пятна, похожие на травяные. Ни маникюра, ни красного геля-лака, ни родинок на запястье нет.

Обвожу взглядом комнату, чувствуя липкий холодный страх неизвестности и понимаю, что я в избе. Другого слова для этого помещения не подберёшь: низкий потолок с потемневшими от копоти балками, бревенчатые стены, увешанные пучками сухих трав, по виду похожих на полынь, ромашку. А вон те, тёмно-фиолетовые, я не знаю, таких в жизни не видела, уж я в фармакологии и гомеопатии разбираюсь. В печи горит самый настоящий огонь — вот откуда запах дыма, а на грубом столе нагромождены глиняные горшочки, ступка с пестиком, какие-то склянки с мутными жидкостями.

«Не реанимация, не больница и не похищение, тогда был бы какой-нибудь затхлый подвал», — пытаюсь собрать картину воедино и понять, что же со мной произошло.

— Ну что, готова с сынком познакомиться? — старуха кряхтя поднимается и скрывается за перегородкой.

Прислушиваюсь к шороху ткани, тихому «идём, малютка», причмокиванию и... тоненькому сердитому писку.

«Ребёнок. Живой, настоящий ребёнок...» — сердце, только что колотившееся от страха, вдруг замирает. И начинает биться совсем по-другому — больно, горячо, жадно. Чувствую, как внутри оживает что-то, что я едва не похоронила в кабинете Марины Борисовны, что-то, что рассыпалось на атомы после четвёртого неудачного ЭКО, когда я в последний раз позволила себе надеяться.

Старуха выходит из-за перегородки, держит в руках маленький свёрток, младенца, завернутого в выцветшую льняную ткань. Из свёртка доносится плач ребёнка, и мне отчаянно хочется прижать его к себе и успокоить.

— На, погляди, какого красавца народила, — она осторожно передаёт мне дитя.

«Самый настоящий младенец», — на меня обрушивается лавина щемящей нежности, едва взглядываю на сморщенное личико, на тёмные, почти чёрные волосёнки, влажные и прилипшие ко лбу. Глаза мутные, как у всех новорождённых, открыты, и, кажется, смотрят прямо на меня, пока он хнычет. Малыш такой прекрасный, что у меня перехватывает горло. Переполненная нежностью, подношу дрожащую чужую молодую руку к его щеке, нежно касаюсь, и младенец затихает.

— Покорми его, Лея, груди-то у тебя полные, — тихо говорит старуха.

Осторожно, повинаясь первобытному инстинкту матери, которым полнится моё новое тело, прикладываю младенца к груди. Он ищет, тычется горячим ротиком, находит и начинает сосать, жадно, деловито, по-хозяйски.

И боль в теле сменяется таким счастьем, огромным и невозможным, что я закрываю глаза и позволяю себе заплакать. Впервые за много лет — не от боли, не от одиночества, не от «сами вы уже не сможете», а от чего-то, что не помещается ни в какие слова.

«Тёплый, живой, настоящий. Мой!» — поёт счастливой птицей душа.

— Настоящий драконёнок, — говорит старуха, присаживаясь рядом.

«Какой драконёнок?! Может, ещё тут Леголас есть и злобные орки бегают?» — едва удерживаюсь от саркастического вопроса и поднимаю глаза на старуху.

«Фарина, — откуда-то знаю я, — её зовут Фарина».

Голос женщины теплеет, но в нём проскальзывает горечь:

— Уж я-то вижу, силен будет твой сынок и сложно тебе без отца-дракона придётся... Ещё из наших был бы, так нет, чужеземец, враг...

«Драконёнок?! У него что, отец-дракон?! Вот же меня занесло... А я-то в этом мире кто? Тоже дракон?» — смотрю на тёплый комочек на руках.

— Не надо было тебе чёрному дракону-то верить, вона оно как вышло, одной в позоре рожать пришлось, — она сплёвывает. — Хлыщ иноземный! Ни монетки на повитуху, ни живой души рядом, повезло тебе, что меня в лесу встретила, я же тоже изгнанная, навроде тебя, знаю, каково это, когда деревенские дураки с вилами за тобой бегут. Ничего, помогу тебе, девонька, выкарабкаешься, горячка твоя, главное, прошла.

«Так, ещё ко всему опозоренная и изгнанная...» — воспоминания Леи шевелятся где-то на дне сознания, глухо, неразборчиво, как соседи за тонкой стеной. Я чувствую их, но пока не могу разобрать, поэтому лишь киваю и молчу, сейчас главное — мой ребёнок.

«Мой, — и мне плевать, что это не мой мир и не моя жизнь. Тело-то теперь моё, стало быть и ребёнок мой. Сын, у меня теперь есть сын, и я чувствую это всем своим существом».

Надо же, как вышло: хотела родить для себя и получила, пусть и не совсем так, как загадывала.

«Пускай, — думаю я, и слёзы радости текут по чужим молодым щекам, когда смотрю на крошечный комочек, который уже наелся и тихо сопит на руках. — Пускай всё так неприглядно в жизни Леи, пускай позор, пускай нет мужа, денег и семьи. Я, Светлана Николаевна Хромова, которая приехала в Москву из Бобровки с одним чемоданом, со всем справлюсь».

Смотрю на сына и впервые за последние лет десять чувствую, что живу по-настоящему.

«Потому что теперь, сыночек, мне есть ради кого», — я целую спящего младенца в тёплый, пахнувший любовью и нежностью лоб.

— На-ка отвар, — протягивает старуха глиняную кружку, — попей да поспи, слаба ты ещё, да и молока тебе побольше надо.

Я кладу ребёнка рядышком с собой и благодарно выпиваю горьковатый травяной напиток. Глаза слипаются, и я ложусь на бок напротив сына.

«У нас с тобой всё получится в этом мире, мой мальчик. Мы справимся», — последнее, что успеваю подумать, прежде чем провалиться в сон.

*

Роман написан для литмоба "Чудотворная любовь" .

Литмоб "Чудотворная .

Его наказала
и он больше не
людям
Но любовь с
исцелить люб

Все истории здесь: <https://litnet.com/shrt/f8Jb>

Глава 2. Аукцион

Семь лет спустя

Лея

— Эй, девка, проснись! Товар в порядок приводим, тебя хорошенько отмыть велели.

Грубый голос надсмотрщика выдёргивает меня из тревожного сна. Открываю глаза и вижу всё тот же низкий потолок барака над головой, чувствую уже ставший привычным за пять дней спёртый запах пота, немытого тела и страха. Пятая ночь, как в плену, а я всё ещё не могу поверить, что это происходит со мной.

Надсмотрщик — плечистый арраносец с рваным шрамом через всю щёку — скалится, похотливо разглядывая меня в полумраке.

— Вставай-вставай, красотка, нечего дрыхнуть, сегодня торги. Отоспишься в постели нового хозяина.

Поднимаюсь, чувствуя, как болит всё тело после ночи на голых досках. Вокруг шевелятся и просыпаются другие женщины — такие же безутешные пленницы, взятые во время набега. Кто-то всхлипывает сквозь сон.

Надсмотрщик грубо хватает меня за плечо, тащит к выходу и по дороге продолжает болтать то ли со мной, то ли сам с собой:

— Ты вон какая красивая, светловолосая, таких любят брать наложницами. Если управляющий какого лорда или графа зайдёт, точно тебя купит, такую, как ты, самому императору подарить не стыдно... Продадим тебя подороже, — он ухмыляется, обнажая гнилые зубы.

— Я лекарка, — дрожь в голосе унять не удаётся. — Травница с редким даром, я же говорила.

— Да мало ли что ты говорила, — фыркает он. — Все вы болтать горазды.

— Я не лгала, я... людей травами лечу, дар у меня целительский, да и учёная...

— Хорош брехать! Учёная! — усмехается надсмотрщик. — Дитя у тебя, говорят было нагулянное. Значит, не невинная розочка, знаешь, как мужика ублажить. К тому же красива и зубы все на месте, — он цокает языком.

— Но... — отчаянно пытаюсь спастись от позорной участи постельной игрушки.

— А ты что думаешь, почему тебя никто не тронул, хоть вся охрана засматривается уже три дня? Не велено, вдруг дракон какой купит, а они чувствуют, если девку кто сношал недавно.

Передёргивает от отвращения, но я молчу, понимаю, что так просто не спастись.

— А будешь артачиться, — он наклоняется ближе, обдавая запахом лука и перегара, — отдадим в бордель. Всех, кого аристократы не возьмут наложницами, в дома удовольствий отправляют, они ой как хорошо за такой товар платят. Там уж не спрашивают, лекарка ты, блудница или принцесса, всех одинаково пользуют...

Стискаю зубы так, что челюсть сводит, понимаю, что ублюдка не переубедить, да и не он решает. Судя по масляным взглядам, мужлан и сам бы с удовольствием воспользовался моим нынешним положением бесправной рабыни-чужеземки.

«Спокойно, Света, не паникуй, ты справишься. После прошлой жизни, когда попала в этот мир, выкарабкалась из болота нищеты, преодолела всё и тут встала на ноги. За семь лет здесь с малым ребёнком на руках открыла лекарскую лавку, переехала в хороший дом из убогой лачуги, и тут тоже справишься».

Да и как иначе? Других вариантов нет: в Аутене сын, который даже не знает о том, что случилось, и которому нужно оплачивать пансион для драконов. Ему ведь скоро предстоит первый оборот, а отца-дракона, который всему научит, у моего мальчика нет.

Тюремщик ведёт меня через двор, мимо загонов с остальными пленниками, которым не повезло спать как мне в крытом бараке. Грязные сонные люди лениво перебраниваются в утреннем холоде, где-то кричит ребёнок.

«Как хорошо, что успела отправить Райана в Аутен», — думаю я, а взгляд невольно падает на молодую измождённую женщину с маленькой девочкой на руках.

Вот и небольшая каменная купальня, на удивление благоухающая ароматом дорогого страстоцвета.

«Хотя... чему удивляюсь: страстоцвет заставляет тела женщин пахнуть для драконов особенному, желанно, а если меня хотят продать наложницей какому богатею, то всё понятно. Кто всегда богаче и сильнее всех? Чёртовы ящеры!» — едва сдерживаю горькую ироничную усмешку.

Нас встречают две худощавые женщины в годах с холодными улыбками и пустыми глазами, такие явно повидали многое на здешней работе.

— Отмойте её! — командует надсмотрщик. — И оденьте как положено, она пойдёт в наложницы и должна выглядеть хорошо. Пусть покажет свои прелести.

— Говорят, сегодня будет управляющий лорда Баррейна, — многозначительно сообщает одна из мойщиц.

— Очень хорошо, — склбится мужчина, — он не скупится на золото, может, и наша шлюха ему приглянётся, — и усмехается: — Попользует её, а потом подарит кому, как обычно, на что эти дуранские бабы ещё годны...

— Ваша правда, — раболепно бормочет женщина.

— Эта вон рассказывала мне, что лекарка, а у самой дитя незаконнорождённое... — ублюдок осуждающе качает головой.

— Знаем мы этих дуранских, — поддакивает вторая мойщица, — не умеют себя блюсти, все как одна потаскухи.

— Работайте! — бросает надсмотрщик. — Товар должен выглядеть так, чтобы продать подороже.

Меня раздевают, моют грубо, деловито, как скотину перед ярмаркой. Из приятного только то, что вода тёплая и больше не чувствую барачные смрад и грязь на коже. После мытья меня не оставляют в покое, тщательно расчёсывают, умащивают тело благовонными маслами, от которых улавливаю всё тот же слегка приторный аромат страстоцвета.

А потом наступает черёд платья, если это можно так назвать. Моё одеяние больше похоже на шикарную обёртку для игрушки: струящийся шёлк вызывающе красного цвета, слишком тонкий, обрисовывающий все изгибы фигуры, глубокое декольте, едва прикрывающее грудь, разрезы по бокам до самых бёдер. На ногах — сандалии с ремешками, обвивающими щиколотки.

— Красавица, — одобрительно кивает одна из женщин. — Такую быстро заберут, сладко жить будет. Иди-ка, полюбуйся на себя!

Меня подводят к мутному бронзовому зеркалу, и я замираю, хочу кричать от бессилия. Они и вправду постарались на славу: длинные светлые волосы, вымытые и расчёсанные, шёлковой волной спускаются до поясицы, голубые глаза кажутся огромными на осунувшемся лице, скулы слегка заострились за дни плена, но это только подчёркивает красоту.

«Надо же, — думаю горько. — Красота — проклятие».

Мне двадцать пять лет, по местным меркам я взрослая женщина. Но на свой возраст я не выгляжу, привыкла ухаживать за собой ещё в прежней жизни, и здесь продолжаю. К тому же природа щедро одарила мою предшественницу и тело Леи привыкшее к труду, молодое, гибкое, с длинными ногами и высокой грудью — выглядит так, словно создано для греха. В этом непристойном платье, которое скорее обнажает, чем скрывает, я действительно похожа на шлюху, а не на честную лекарку с редким даром.

«Все семь лет в этом мире я провела в труде и заботах, — чувствую горечь в горле. — Ещё недавно у меня была лавка, свой дом, уважение соседей, любимый сын, которого скрепя сердце решила отправить в далёкий Аутен на целый год. А теперь... я стала рабыней, которую вот-вот продадут, словно вещь».

— Идём, — надсмотрщик появляется в дверях, окидывает меня жадным взглядом. — Торги начинаются.

С каждым шагом сердце стучит всё громче, я чувствую липкие взгляды, кто-то присвистывает нам вслед, и мой сопровождающий довольно улыбается, должно быть, подсчитывает свои барыши.

И вот мы идём к рынку по узкой мощённой улочке шумного арраноского города, который, кажется, называется Барлис. Стоит солнечный погожий день, пахнет кофе и цветущим жасмином, где-то мяукает кошка, а меня ведут на помост, чтобы продать подороже.

Входим в ворота рынка, проклятое платье сидит так, что чувствую себя голой, как ни стараюсь отстраниться и не обращать внимания, замечаю, как мужчины смотрят на грудь, на ноги в разрезах, на изгибы бёдер под тонким шёлком. Женщины же смотрят украдкой, но с презрением или жалостью, в зависимости от того, по какую сторону прилавка они стоят.

Мы минуем ряды, где торгуют скотом, потом ряды с овощами, палатки с тканями, прилавки с глиняной посудой... и оказываемся в самом центре с помостом из тёмного камня. Вдоль стены уже стоят две девушки в таких же откровенных платьях, как и я. Остальные женщины одеты проще: в домотканую серую одежду, наверняка, их будут продавать как прислугу. Ясно одно: все мы живой товар, почти как козы или овцы в скотном ряду. Меня ставят в самом конце, велют стоять тихо и не раскрывать рта. Я повинуюсь и невольно разглядываю толпу: всё купцы, военные, богачи, несколько женщин в бархате и парче, наверное, выбирают служанок.

Все лица чужие, с жёсткими чертами, волосы чёрные или тёмно-каштановые, такие непохожие на светловолосых жителей моего городка в Дуране.

«Враги, — думая я, слыша, как пара мужчин обмениваются приветствиями, называя друг друга с упоминанием военных чинов. — А ведь от одного из них Лея семь лет назад родила сына. Какая жестокая шутка судьбы».

Мысли о Райане усиливают тревогу: «Как он там, в пансионе в далёком Ауtene? Получил ли уже моё последнее письмо? Смогу ли я написать ему ещё? А как оплачивать его пребывание там и куда вернётся мой мальчик, если я теперь невольница?»

«Успокойся, Света, соберись, сейчас главное выжить. И лучше бы попасть к кому в качестве лекарки, а не постельной грелки. А если удастся — и вовсе сбежать...»

Взгляд скользит по рядам и цепляется за прилавок в дальнем углу площади, где стоит торговец редкими травами. Я заметила его, когда шла сюда, нечасто встретишь такой качественный товар, если речь идёт о магических растениях. У этого продавца всё отменное, у меня даже на расстоянии покалывает кожу. Серебристые листья горицвета, синие цветы луносветца, ростки сон-травы, светящиеся изнутри тусклым светом.

«Интересно, — думаю с профессиональным интересом, — откуда такой ассортимент? Кажется, даже огнецвет вижу, у нас в Дуране на него нужно особое разрешение, а здесь как?»

Семь лет работы с травами не прошли даром, я узнаю растения, как старых знакомых, и по привычке прикидываю, какое снадобье могла бы составить из такой роскошной коллекции.

«Бам-м-м!» — бьют в набат.

Начинаются торги.

Сердце замирает, а потом начинает биться быстро-быстро, тревога переполняет меня. Стою как вкопанная опустив глаза и молюсь всем богам, каких знаю, о том, чтобы послали мне шанс выбраться из этого дерьма.

Женщин в домотканых платьях продают быстро, по три-четыре серебряных за голову. Потом наступает черёд светловолосой товарки по несчастью в открытом платье, она опускает

глаза и дрожит. Цена за неё растёт как на дрожжах, и в конце концов она достаётся жирному борову с перстнями на толстых пальцах. Вторая девица, русоволосая, статная, напротив, оглаживает себя по бёдрам, выставляет вперёд ногу, и её продают ещё дороже какому-то коротышке со сладострастной масляной улыбкой.

Потом наступает мой черёд.

— Следующая рабыня, номер семнадцать, наложница! — выкрикивает распорядитель. — Женщина, двадцать лет, — он убавляет мой возраст, — из Дурана. Здоровая, зубы целые, рожавшая. Знает, как ублажить мужчину, говорит, что лекарка! — под этот аккомпанемент меня выводят из тени на середину помоста. Солнце бьёт в глаза, время близится к полудню, и воздух уже раскалён, тонкий шёлк моментально прилипает к телу. Сглатываю комок в горле, чувствую, что все глаза прикованы ко мне.

Кто-то присвистывает:

— Хороша!

Мне страшно, но я держусь, не трясусь, стою прямо: спина ровная, подбородок поднят, вглядываюсь в толпу в отчаянной надежде найти какой-то выход.

— Начальная цена десять золотых!

— Двенадцать! — слышится голос из толпы.

— Пятнадцать! — басит другой голос, погуще.

— Двадцать...

Торг идёт бойко, светлые волосы здесь редкость и ценятся. Надсмотрщик доволен, так и ухмыляется.

— Двадцать пять золотых! — выкрикивает толстяк в богатом халате. — Для услады моих очей!

— Тридцать! — перебивает худой старик с масляным взглядом. — У меня она будет не только глаз радовать, но и другие места!

Смех гудит в толпе, а меня мутит от омерзения.

И вдруг с задних рядов слышится какой-то вскрик, а затем звук, словно кто-то падает.

— Помогите! Джеймену плохо! Два солдата склонились над третьим, совсем юным парнем в чёрной форме арраноской армии. Его лицо белое как мел, на губах — пена, тело бьётся в конвульсиях.

— Лекаря! — вопит один из солдат. — Где, Нечистый его раздери, лекарь?!

— Нет здесь лекаря! — огрызается распорядитель. — Торги идут, не мешайте!

Парень хрипит, закатывает глаза. Я смотрю на него и чётко понимаю, что это... отравление: судороги, пена, синеют губы. «Яд, скорее всего, растительный, убьёт его за пару минут, ну, может, пять, максимум», — оцениваю ситуацию.

Обвожу взглядом площадь, нахожу нужный прилавок торговца травами. Там, в самом центре, — пучок серебристо-зелёных листьев с красными прожилками.

«Жгучий ядодор, — нахожу нужное мгновенно. — Нейтрализует большинство растительных ядов, вытягивает отраву из крови. Могу успеть...»

Спрыгиваю с помоста раньше, чем успеваю подумать. Шёлковое платье взвивается, обнажая ноги до бёдер, толпа ахает, но мне плевать.

— Стой! — орёт надсмотрщик. — Куда?!

— Спасать солдата! Я же говорила, что лекарка! — бегу через толпу, расталкиваю зевак, богачей и военных, кричу во всю глотку:

— Жгучий ядодор! Дай мне жгучий ядодор! Живо!

Пузатый торговец с хитрыми лисьими глазами смотрит на меня как на сумасшедшую.

— Ты кто такая? — он загораживает прилавок. — Рабыня? Пшла прочь!

— Человек умирает! — почти рычу ему в лицо. — Солдат! Дай траву, спасу его — запро-
сишь любую цену!

— Да как ты возьмёшь его? — он кривится. — Сожжёшь руки до кости, дура. А мне потом за порчу товара платить!

— У меня дар, — говорю быстро, протягивая ладони. — Травы идут мне в руки, не обжигают. Давай!

Он колеблется секунду, смотрит в глаза — и, наверное, видит мою непоколебимую уверенность в своих словах.

— Твоя шкура! — бурчит, но всё же кивает на пучок ядобора.

Хватаю траву голыми руками. Серебристые листья вспыхивают мягким светом и ложатся в ладони, не обжигая, не кусая. Чувствую их силу, их готовность помочь.

«Спасибо, — мысленно шепчу им. — Спасибо, родные!» Бегу к солдату, мысленно вознося хвалу за дар, который проснулся во мне семь лет назад, когда я только родила сына.

«Это драконий ребёнок разбудил в тебе силу, Леюшка», — сказала ныне покойная Фарина, когда я впервые по ошибке прикоснулась к волшебной траве и не сгорела.

Так я поняла, что травы слушаются меня, тянутся к рукам, раскрывают свои секреты. Это и помогло мне выжить, преуспеть, открыть лавку и поднять сына.

Но сейчас не время для воспоминаний, время спасти человека и, возможно, своё будущее.

В звенящей тишине под взглядами расступившейся толпы подбегаю к солдатам, падаю на колени рядом с парнем. Вижу, что он совсем мальчишка, лет восемнадцать, не больше. Губы уже лиловые, дыхание прерывистое, вот-вот жизнь оборвётся навсегда.

— Держите его! — командую солдатам. — Крепко! И рот откройте!

Они переглядываются и... беспрекословно подчиняются. Один разжимает парню челюсти, второй наваливается на ноги. Я же сминаю листья в руках, мысленно заговариваю их, а затем, когда чувствую, что забрала магическое опасное сопротивление и сейчас они не обожгут парня, запихиваю весь пучок ему под язык. Зажимаю ему рот и чувствую, как трава начинает работать, пульсирует мягким магическим теплом, вытягивает отраву, связывает яд.

— Молоко! — кричу в толпу. — Или масло! Что-то жирное, быстро!

Кто-то суёт мне глиняную кружку с тёплым козьим молоком. Приподнимаю парню голову, вливаю жирное молоко тонкой струйкой, заставляю глотать.

Он давится, кашляет, пена на губах становится розовой, а затем его тело выгибается дугой, и он исторгает из себя обильную чёрную рвоту.

«Выходит, — радуюсь, быстро переворачивая его на бок, и облегчённо выдыхаю. — Поганый яд выходит вместе с ядобором».

Парень дёргается ещё раз, ещё, ещё и обмякает. Дыхание его выравнивается, мертвенная синева отступает, веки дрожат, но я знаю, что самое страшное уже позади — я его вытащила.

— Будет жить, — говорю спокойно и профессионально, как если бы принимала хворого у себя в лавке. — Пусть полежит, сейчас не поднимайте его. Через час сможет встать.

Встаю с колен в пронзительной тишине и поднимаю голову. Сотни глаз впиваются в меня: покупатели, солдаты, рабы, надсмотрщик.

— Она ядобор голыми руками взяла, — шепчет кто-то. — И не сгорела?

— Ведьма...

— Не ведьма, — говорит низкий голос. — Лекарка. Целительница с редким даром.

Из толпы выходит высокий седовласый мужчина в неприметной, но явно дорогой чёрной одежде. Вглядываюсь в жёсткое, но умное лицо, подмечаю холодные оценивающие глаза. На поясе у него висит короткий меч в простых ножнах, и в целом он производит впечатление кого-то опасного, кто приближен к власти имущим.

— Сколько за неё давали? — спрашивает он у распорядителя.

— Э-э... тридцать золотых, последняя цена...

— Я даю сто, — роняет седовласый, — и забираю её немедленно.

Распорядитель давится воздухом, да и немудрено, за всех, кого сегодня продали, выручили куда меньше, чем предложили за меня одну. Он быстро окидывает взглядом торговавшихся за меня богачей, а потом звонко хлопает в ладоши:

— П-продано!

«Ну всё... теперь я чья-то собственность, — с тоской смотрю себе под ноги, — но хоть лекарка, а не наложница».

Худой старик с масляным взглядом возмущённо крикает, но цену выше не предлагает, а мой седовласый покупатель даже не смотрит в его сторону.

— Мне бы тоже получить компенсацию за мой ядобор... — подаёт голос торговец магическими растениями.

Купивший меня мужчина едва заметно усмехается, подходит ближе, пока я, всё ещё ошарашенная произошедшим, стою в непристойном платье с руками, перепачканными чужими слюной и рвотой.

— Отведи её помыться и переодеться, — говорит он куда-то в сторону, и из-за его спины, словно тень, появляется крепкий рослый мужчина. — Негоже нашей лекарке ходить в наряде блудницы, да и госпожа Далира будет недовольна.

«Вот и началась бесправная жизнь... даже имени моего не спрашивают, просто решают во что одеть», — в груди поднимается волна протеста.

Седовласый наконец обращается ко мне:

— Я Ворген Прайк, управляющий семьи Раштар, теперь ты принадлежишь нашему лорду. Сейчас тебя отведут купить приличное платье, потом помоешься, даже я чую запах этой вонючей травы для соблазна дракона. После поедем в Гарванш. Надеюсь, ты будешь вести себя благоразумно и не попытаешься сбежать.

— Не попытаюсь, — опускаю глаза.

— Хорошо. Иди с Парсоном и будь благоразумна. Я бы не хотел портить собственность лорда Раштара.

«Собственность...» — по венам растекаются унижение и ярость.

— У меня есть имя, — не могу сдержать гнева. — Меня зовут Лея.

— Хорошо, Лея, — Ворген смотрит, чуть склонив голову. — Надеюсь ты уяснила, кто ты теперь.

— Уяснила, — опускаю глаза и думаю, что сбежать всё же можно попробовать.

— Тем лучше, у лорда Ширрана не самый мягкий характер, — назидательно говорит он, — не хотелось бы тратить время на твоё перевоспитание.

«Ширрана...» — имя откликается застарелой чужой болью в груди, звуки отдаляются, картинка вокруг плывёт, и я слышу только стук собственного сердца, гулкий, оглушительный.

«Ширран, надо же, какое совпадение... Но вряд ли это он», — пытаюсь успокоиться, но не выходит. Чувствую, как лоб покрывается испариной и холодеют руки, а глубоко внутри просыпается то, что я запихнула куда подальше, — чужие чувства и воспоминания о первой любви, о том, от кого Лея восемь лет назад потеряла голову, о том, от кого мой ребёнок.

— Пойдём, — Парсон подталкивает вперёд, и я иду за ним, едва перебирая ногами. Мыслями я не здесь, потому что все они так и кружат вокруг того, о чём почти забыла: о чужой жизни и любви, о том, что было с Леей до того, как семь лет назад я самым странным образом попала в её тело и обнулилась.

Мои дорогие!

Подписывайтесь на мою страничку, чтобы не пропустить новинки. Здесь: <https://litnet.com/shrt/SPoh>

Жмите на кнопку "Подписаться"!

О

Романы 12

Блог

Глава 3. Прежняя жизнь

Лея

Парсон ведёт меня через рыночную площадь к рядам, где торгуют тканями и готовым платьем. Вокруг кипит базарная суета, ровно такая же, как и на любом рынке этого мира, коих я за семь лет повидала немало: торговцы громогласно расхваливают свой товар, благоухают специи, дымят ароматические палочки, из палатки с едой доносится запах жареного мяса, босоногая девочка танцует под свистящие звуки вааркана, где-то неподалёку лает пёс. Обычный базарный день, обычная жизнь, мимо которой я прохожу уже в качестве купленной вещи. Хорошо хоть развратную красную тряпку можно заменить на что-то приличное.

Руки в кандалах, ноги послушно идут вслед за Парсоном, а мысли витают далеко — в чужой жизни прежней владелицы тела...

Однажды, на исходе лета, Лея поплыла по реке за цветами живокоста, который рос на дальней опушке у Чёрного леса, у неё там была приметка: видела недавно молодые побеги, стало быть пришло время запоздалого цветения.

«Скоро зима, — думала она, — нужно заготовить побольше трав, неизвестно, вернётся ли батюшка с войны...»

От невесёлых мыслей её отвлек странный звук, похожий на тяжёлый стон, низкий, хриплый, больше похожий на рык раненого зверя. Юная травница испугалась и хотела плыть дальше, но лодка, слегка чиркнув боком по камню, уткнулась в узкое место реки.

«Посмотрю, что там, всё равно лодку толкать», — легко, словно лань, девушка спрыгнула с утлой лодчонки, и ноги сами понесли её на звук.

Тот, кто издал стон, лежал в траве, залитый кровью, и оказался он мужчиной молодым, черноволосым, с исцарапанным бескровным лицом. Выглядел он так, словно побывал в жестокой битве: одежда разорвана в клочья, на теле виднелась россыпь ран, ссадин и ожогов. Но хуже всего была правая рука: от локтя до запястья тянулся страшный порез, будто кто-то со всей силы полоснул мечом. В ране белела кость, кровь уже не текла — запеклась чёрной коркой.

«Отошёл», — подумала Лея.

И тут он открыл глаза. В них полыхнуло расплавленное нечеловеческое золото, и девушка отшатнулась и едва не упала. Мужчина-дракон посмотрел на неё, да так пронзительно, с такой болью, что по коже чувствительной нежной Леи пробежали отголоски чужого страдания.

— Помоги, — выдохнул он едва слышно. — Или добей, не оставляй мучиться...

Лея выбрала первое.

Как она дотащила его до лодки, потом и сама не могла понять, ведь он был такой изнурённый, что почти не мог идти, висел у неё на плече и хрипло дышал в ухо. Несколько раз травнице казалось, что он вот-вот отойдёт, так прерывисто было дыхание чужака, но она, преисполненная решимости, всё же тащила ношу к лодке, не думая ни о чём, кроме одного: донести, спасти, не дать умереть. Донесла, уложила поудобнее и как одержимая устремилась домой, гребла из всех сил, позабыв о живокосте, о запасах на зиму и тревожных думах об отце.

Мать, Лэрна, встретила их у порога.

— Что это? — её лицо вытянулось. — Кого ты притащила?

— Раненого, — выдохнула Лея. — На лодке плыла, застряла около Заячьих полян и услышала, как стонет. Надо помочь, он умирает...

Вдвоём они втащили его в дом, уложили на лавку. Лея начала стягивать с него остатки рубахи, чтобы осмотреть раны, и замерла, потому что увидела остатки чёрной чешуи. Видно, дракон был так слаб, что не смог до конца перекинуться в человека и чуть пониже лопаток остался небольшой участок — размером с ладонь, но этого было достаточно, чтобы понять, кто он.

— Дракон! — прошипела мать, отступая. — Чёрный вражеский дракон. Поганный арраносец!

— Мама...

— Убери эту тварь из моего дома! — мать схватила кочергу и замахнулась. — Твой отец ещё с войны не вернулся, кто знает, что с ним там, может, его тоже кто-то вроде этого убил!

— Но у нас перемирие! Война закончилась! — Лея чувствовала, что не может оставить чужака умирать.

— Надолго ли! — мать сплюнула. — Знаю я этих чёрных ублюдков. Слышала, как они подло на Валаан напали? Если бы не генерал Кейнас, всех бы перебили к Нечистому! Надо его старосте сдать, пусть разбирается!

— Но у нас же мир! Он больше не враг... — Лее было отчаянно жаль мертвенно-бледного мужчину.

— Сегодня мир, а завтра снова будут жечь деревни, забирать наших женщин, как скотину какую... — злобно прошипела мать.

— Он же умирает, мама. Он живой человек... ну, почти человек...

— Живой, но не человек, — мать опустила кочергу и посмотрела на раненого с холодным презрением. — Чёрная падаль!

— А вдруг... вдруг и отец так же ранен и какая-то добрая женщина помогает ему, — тихо сказала Лея, которая каждую ночь молилась Пресветлой о том, чтобы её любимый батюшка вернулся домой в целости и добром здравии. — У чёрных... у них же тоже есть семьи, дети, сердца...

Мать смерила Лею долгим взглядом:

— Сомневаюсь, что они так же великодушны, как мы. Но возражать больше не буду, хочешь возиться — возись, сердобольная. Только без моей помощи управься, сама, в конце концов, я учила тебя, да и с травами ты ладишь. Посмотрим, сможешь ли вытащить дракона с того света. Тренировка тебе будет, да и не жалко, если помрёт.

— Спасибо! — в сердце доброй и чуткой Леи загорелась отчаянная решимость. — Я сейчас обмою его и заварю...

— Только не в доме, оттащи его в сарай. Не хочу, чтобы соседи видели у нас в доме этого... — мать осеклась. — Там тепло, хорошо, сено свежее. Негоже двум женщинам без мужчины в доме держать при себе чужака.

— Хорошо, — покорно кивнула Лея и занялась своим неожиданным подопечным.

Три недели девица выхаживала его в тихом сарае на краю участка: таскала воду, меняла повязки, варила отвары, составила живую мазь, сбегала в лес за кровохлёбкой, потом ещё, потом пришёл черёд других трав, уже от лихорадки.

Хуже всего была рука, рану пришлось зашивать: стежок за стежком, обычной зачарованной иглой и льняной нитью, потому что ничего другого не было. Лея вливала в швы крупички своего слабого дара — все, что смогла наскрести. Её магия тогда была едва тлеющей искрой, но она упорно, ночь за ночью прикладывала ладони к ране и отдавала, отдавала, отдавала...

На пятый день дракон очнулся по-настоящему. Открыл глаза, увидел её и слабо улыбнулся одним уголком рта.

— Значит, ты всё же решила помочь, лесная дева, — едва слышно пробормотал он. — Спасибо...

— Я не лесная дева, я Лея, — она улыбнулась, счастливая оттого, что результаты упорного труда принесли свои плоды, что её первый серьёзный больной пошёл на поправку.

— Лея... — он повторил её имя, словно пробуя на вкус. — Красивое. Спасибо, что не дала мне умереть, Лея.

— А тебя как зовут? — она осторожно начала менять повязку на его руке.

— Ширран.

— Необычное имя... — ей показалось, что имя царапает слух, слишком грубое, слишком... драконье.

— В честь прадеда, — усмехнулся мужчина. — В лучших традициях рода.

Шли дни. Ширран поправлялся, казалось слишком быстро, впрочем, он был драконом, а о драконьей силе всегда ходили небылицы. Вскоре мужчина начал вставать, ходить по сараю, потом — выбираться во двор, когда темнело. Рана на руке быстро затягивалась, швы Лея сняла через две недели, и на месте страшного пореза остался только шрам, длинный, красный, от локтя до запястья.

— Будет напоминать, — сказал он разглядывая руку. — О девушке, которая спасла мне жизнь, — и посмотрел на неё так, что сердце этой самой девушки обмерло от жара.

Мать, узнав, что он уже ходит, поджала губы:

— Надо же... выкарабкался. Ты, стало быть, расстаралась. Молодец! Жаль, что денег нет тебя в академию отправить, выучить.

— Ночи становятся холоднее, может, впустить Ширрана в дом? — робко попросила Лея.

— Имя-то какое варварское, — в очередной раз не преминула заметить мать. — Нет! Негоже, чтобы с нами, женщинами без главы семьи в доме, жил мужчина, да ещё из чёрных драконов. Не дай Пресветлая, пойдут толки, а вдруг отец твой вернётся, что тогда? Сама знаешь, каков он в гневе. Пусть в сарае и остаётся, одеяло ему возьми, и хватит с нас добра на этом. А как окончательно придёт в себя, спровадить его надо восояси, нечего чёрного тут держать.

Лея не спорила, продолжала носить Ширрану еду, лечить, разговаривать. С удивлением девушка обнаружила, что он оказался не таким, как она представляла себе врагов или драконов, о которых чего только не говорили.

«Он ведь почти как мы», — думала Лея украдкой разглядывая его, пока он рассказывал ей какую-нибудь старинную легенду Арраноса. Умный, образованный мужчина с хорошим чувством юмора, оказался отличным собеседником и слушателем, внимательным и чутким.

А как смотрел не неё... так, словно она — единственный человек во всём мире.

Ширран начал оказывать знаки внимания: то букет полевых цветов оставит на окне, то вызовется сопровождать её в лес, когда она отправлялась за травами.

— Опасно одной, — говорил он. — Вдруг волки, или что похуже.

— А ты что сделаешь? — поддразнивала она. — Ты же ещё слаб.

Золото в его глазах вспыхивало ярче:

— Даже слабый я достаточно силен, чтобы защитить тебя.

От блеска змеиных глаз в груди Леи делалось ещё жарче, сердце билось быстрее, и она не знала, куда себя деть от смущения и... желания, чтобы он смотрел так на неё, ещё и ещё...

И он смотрел, да как! Всё чаще при взгляде на неё в его глазах мерцал драконий огонь, всё чаще его рука оказывалась близко от её ладони, а когда Ширран произносил «Ле-е-ея», как-то особенно растягивая буквы, то девушке казалось, что в её сердце всё переворачивается. Лея стала придумывать поводы побыть с ним подольше, пыталась обмануть самоё себя, но игра продлилась недолго.

«Влюбилась, — признала она однажды ночью, лёжа без сна. — Влюбилась в дракона, да не в простого, а чёрного, вражеского... Сколько слухов о них ходит... А вдруг правду говорят, что недолгое перемирие наше?»

Это чувство было безумием. Что могло быть между ними? Она никто, простая деревенская знахарка-недоучка, дочь травницы, которая едва сводит концы с концами. Он — арраноский дракон, наверняка из благородных, раз так хорошо образован и знает столько всего. К тому же мать так неодобрительно косилась, когда Лея говорила о Ширране...

Но сердце было не унять... Оно, казалось, выстукивало «Ширран-Ширран-Ширран», «Люблю-люблю-люблю»...

— Эй! Лекарка! Ты оглохла?

Голос Парсона вырывает меня из воспоминаний. Моргаю, оглядываюсь, не понимая, где я, а мы уже стоим перед лавкой с готовым платьем, и мой провожатый пытается растормошить меня, замершую столбом посреди прохода.

— Выбирай, — мужчина кивает на развешанные наряды. — Что-нибудь простое, приличное. Нечего в дом Раштаров в этих непотребных тряпках ехать.

Дородная торговка-арраноска тут же показывает мне платья на выбор: бордовое, серое, зелёное, синее...

— Это, — киваю на самое закрытое. — Это подойдёт.

С меня наконец-то снимают кандалы, растираю руки, а потом иду примерять платье, всё же не выдерживаю:

— Скажи, — голос звучит спокойно, я тщательно скрываю волнение, — а каков он... лорд Ширран?

Парсон хмыкает:

— Любопытная ты лекарка! Ладно, раз теперь его собственность, имеешь право знать, к кому попала.

Выхожу из-за ширмы уже в синем платье, простом, закрытом, как и подобает лекарке. Парсон окидывает меня оценивающим взглядом, удовлетворённо кивает и начинает рассказывать:

— Лорд Ширран Раштар очень знаменит, не абы кто, а один из лучших воинов Арраноса, сильнейший боевой дракон, прославленный рыцарь. Человек он суровый и жёсткий, характер у него крутой, под горячую руку лучше не попадаться. Особенно прославился, когда захватил западные земли непокорных мятежников, желавших отделиться от империи. Огнём и мечом устроил их, никого не пощадил...

Сердце сжимается.

— ...а возвысился он лет восемь назад, тогда ещё не был генералом, — продолжает Парсон, — но уже возглавил набеги на Дуран. Там его тяжело ранили, поговаривают, он едва выжил, и, мол, там его какая-то крестьянка выходила, он даже хотел вернуться за ней, но встретил истинную, леди Далиру Трэйваар.

«Почти восемь лет назад... Крестьянка... Хотел жениться...» — перед глазами всё плывёт.

Парсон расплывается с торговкой, выразительно смотрит на меня:

— Кандалы надевать не буду, вижу, ты не дурочка и не будешь пытаться сбежать.

— Нет-нет, — быстро заверяю его.

— Ну, тогда пойдём, ещё отмыть тебя надо.

Я послушно иду рядом с крупным, немного похожим на медведя Парсоном.

— А ещё расскажи про лорда... Ширрана.

— Характер у него тяжёлый, — пожимает плечами Парсон, — но госпожу Далиру, свою жену, он очень любит. За все эти годы не взял ни одной наложницы, только она у него на уме, хоть дитя так и не народила. Да и как иначе, коль посчастливилось встретить истинную, зачем остальные?

«Истинная... зачем остальные...» — слова бьют под дых так, словно мне, Светлане Хромовой, есть дело до бывшего Леи, козла и предателя, бросившего отдавшую ему свою невинность девушку на произвол судьбы.

Но слово «истинная» многое объясняет. Прожив в этом много лет, я знаю, что истинная пара для дракона — это всё, это судьба, нерушимая связь и единственная любовь на всю жизнь.

«Может, это не он? Мало ли Ширранов в Арраносе? Мало ли драконов воевало восемь лет назад, какому-нибудь такому же Ширрану тоже могла встретиться добрая крестьянка», — я всё же надеюсь, что мой новый хозяин и тот, от кого Лея родила дитя, не один и тот же му... дракон.

— А есть... — голос всё же срывается, приходится откашляться, — есть какие-нибудь приметы? Как он выглядит?

Парсон смотрит с подозрением:

— Вот же пытливая! Зачем тебе?

— Чтобы узнать, когда увижу, — говорю как можно спокойнее. — Не хочу ошибиться и поклониться не тому.

Он хмыкает, принимая объяснение.

— Молодец, смекнула, как надо. Высокий он, черноволосый, — он чешет затылок, — да что тут описывать, воин.

— Вы тут все высокие и черноволосые, — стараюсь перевести в шутку, — может, приметы какие есть особые? Шрам, родимое пятно?

— А, да, есть шрам, на правой руке. Старый, как раз с той войны давней, уж побелел, едва видать его, но есть. От локтя до запястья, ох и сильно ранили его тогда. Хвала Великому Дракону, выжил наш господин тогда и рука работает, разит врагов наших.

Звуки вокруг исчезают, остаётся только стук сердца, гулкий, оглушительный, и тяжёлое горькое осознание: это он, тот, кого Лея лечила, отдавая всю себя, тот, кто впервые поцеловал её, кто стал первым и единственным мужчиной. Тот самый Ширран, которого она так ждала и который был так нужен, когда все вокруг отвернулись и изгнали её за позор, человек, который обещал вернуться — и не вернулся, дракон, у которого есть истинная пара.

Отец Райана.

«Господи боже! А у него ведь и детей нет... Не дай бог он узнает о моём сыне... А вдруг захочет отобрать? Нет! Нельзя, чтобы узнал! Райан мой, только мой...» — тревога и отчаяние опутывают всё моё существо, кажется, я даже меняюсь в лице.

— Эй, — Парсон хмурится, — ты чего побледнела? Плохо себя чувствуешь?

— Нет, — выдавливаю онемевшими губами. — Всё хорошо, просто грустно стало... По дому заскучала.

— Да, — неловко произносит, — нелегко, наверное, первое время с непривычки.

— Нелегко... — говорю, а сама думаю, что было бы гораздо легче, не страшись я за своё дитя, которое нужно сохранить в тайне ото всех и с содроганием ждать встречи с тем, кто когда-то шептал «люблю» и жадно целовал на лугу с синими цветами.

— Идём, мыться тебе ещё, не хочу заставлять господина Воргена ждать.

Следую за ним на негнущихся ногах, а в голове одна единственная мысль: «Нужно бежать, как можно скорее...»

Глава 4. Дракон без дракона

Ширран

Далира стонет подо мной, царапает спину, впиваясь ногтями так, что наверняка останутся следы.

«Ревнивая собственница, оставляешь на мне свои метки, как горная кошка», — думаю я с каким-то тёмным удовольствием, да и как иначе, истинность заставляет.

— Сильнее, — она запрокидывает голову. — Ещё!

Ей нравится жёстко, нравится всё то же, что и мне, и я отпускаю себя: вбиваюсь резко, глубоко, без нежности, хватаю за бёдра так, что останутся синяки.

— Я твоя, — стонет истинная, — а ты мой...

Тела сплетаются, как будто мы боремся, но я, как всегда беру верх: переворачиваю её на живот, вхожу сзади, одной рукой прижимаю к постели, другой — тяну за волосы. Она вскрикивает, выгибается, подаётся навстречу...

Двигаюсь быстрее, чувствуя, как она сжимается вокруг меня. Тело делает то, что положено, привычно, механически, как сотни раз за годы брака. Далира вздрагивает и кричит, содрогается всем телом, а я продолжаю вколачиваться в неё, пока не изливаюсь сам, без удовольствия, без огня, всего лишь человек... Отсутствие дракона снова лишает меня полноты радости.

Выхожу из неё, падаю на спину. Грудь вздымается от тяжёлого дыхания, по вискам стекает пот, чувствую лишь пустоту, а не удовлетворение.

«Это потому что дракон во мне умер, — думаю, глядя в потолок, — больше года без оборота и без огня в крови, какая невыносимая тяжесть».

Далира придвигается ближе, кладёт голову на плечо, водит пальцем по груди.

— Хорошо было, милый, — мурлычет довольной кошкой.

— Да... Хорошо.

Она, как и всегда не замечает лжи, начинает рассказывать какую-то светскую сплетню.

Я же погружаюсь в невесёлые мысли. Раньше я горел рядом с ней, терял рассудок от одного прикосновения, но когда год назад вернулся из того проклятого похода с раненым драконом внутри, то всё изменилось. Думал, близость истинной исцелит зверя, сделает меня сильным, как и должно, но увы, магическая рана оказалась слишком сильной, не справилась даже истинность, я даже посмел усомниться в нашей истинности и украдкой поглядывал, не исчезла ли метка. Метка не исчезла, так и красуется на нежном плече, просто я теперь не тот.

— И представляешь, — усмехается Далира, — сын Первааров заявил, что хочет жениться на этой безродной девке, ну а Алайна...

«Как же это всё не интересно. Боевой дракон, генерал... А теперь... какой-то комнатный аристократ, который ходит с приёма на приём и ждёт, когда пробудится его дракон, скрывая ото всех свою позорную тайну», — встаю с кровати, подхожу к окну, смотрю на сад за стеклом. Солнце клонится к закату, любимые розы Далиры кажутся огненными в вечернем золоте, фонтан с рычащим драконом — подарок императора за усмирение западных мятежников — исторгает золотистые струи воды, всё так и кричит о моём статусе и богатстве.

И правда, у меня есть всё, о чём только можно мечтать: богатство, власть, прекрасная жена, которая старается изо всех сил, чтобы я излечился, императорская милость... Но без дракона внутри мне это всё не нужно.

Холод и беспокойствие снова наваливаются тяжким грузом, и мне опять кажется, будто я забыл что-то важное, потерялся в этом золоте и блеске.

— О чём задумался? — голос Далиры мягкий, обеспокоенный.

— Ни о чём, — не поворачиваюсь. — Любуюсь садом.

— Вечером приём у Арванов, нужно подготовиться, — Далира мягко касается моего плеча. — Как ты себя чувствуешь? Боли были?

— Нет, — спокойно выдаю ещё одну ложь, ведь боль никуда не уходит, стала частью меня, заменив сущность дракона. Иногда она спит, иногда просыпается и грызёт изнутри. Лекари разводят руками, маги качают головами, никто не знает, что со мной. Эти шарлатаны даже не могут почувствовать, что дракона нет, о каком исцелении может идти речь?

Только два человека пытаются мне помочь преодолеть недуг: Далира и Ворген.

Истинная понимает и поддерживает меня, помогает скрыть мой недуг от света, терпит приступы и перепады настроения. Именно истинная нашла какую-то старую ведьмовскую книгу, и теперь снабжает меня особым маскирующим зельем, благодаря которому никто, кроме самых близких, не знает, что со мной. Для всех я боевой дракон, именитый генерал на заслуженном отдыхе, который решил заняться бумажной работой и пожить спокойной жизнью.

Ворген, преданный слуга, который хоть и недолюбливает Далиру, старается не меньше: постоянно таскает мне каких-то лекарей, целителей, травников. Каждый месяц — новый шарлатан, новая надежда и новое разочарование. Пока что только Далира помогает мне зельем. Но и это пустая трата золота на травы, что мне толку с обмана, если исцелением и пробуждением моего зверя не пахнет?

«К тому же за всю свою жизнь я знал только одну достойную лекарку...» — мысль о ней приходит внезапно, и как всегда ударяет под дых, заставляет чувствовать что-то... противоестественное к той, которая однажды меня спасла, к той, кого, как я думал, полюбил, пока не встретил истинную... к Лее.

Её образ всплывает из глубин памяти сам собой: нежное лицо с огромными голубыми глазами, светлые волосы, пахнущие травами и летом. Образ простой деревенской знахарки, почти девочки возникает так ясно, словно она совсем рядом.

«Девочка-не девочка, а какая оказалась одарённая... вытащила меня с того света, когда я готов был отправиться к праотцам», — провожу пальцем по застарелому побелевшему шраму на правой руке.

В груди становится тепло, когда вспоминаю, как влюбился тогда... Сходил с ума, терял голову при виде неё, считал минуты, ожидая, когда придёт в убогий сарай. При виде Леи всё внутри озарялось радостью, вспыхивало в груди. Дракон довольно рычал, когда светловолосая целительница терпеливо лечила меня, старательно, на износ, вкладывая в каждый шов крупы своего дара. Тёплые волны магии, нежные, как она сама, были особенно приятны моему зверю, он хотел её, не только как женщину, самку, но хотел защитить, сделать своей, не отпускать никогда, заслужить её. С Леей всё было иначе, не жёсткость, не страсть до крови, как с Далирой, а щемлящая, невозможная нежность, от которой сжималось сердце.

Снова взглядываю на холодные красивые розы Далиры в закатных лучах и вспоминаю луг с синими цветами и солнечный день в чужом Дуране.

Я едва не ахнул, когда мы с Леей вышли на усыпанную необычными синими цветами поляну.

— Как они называются? — спросил, стоя так близко от желанной, что казалось её запах окутал меня.

— Небесники, — она подняла на меня глаза. — Бабушка так называла.

— Небесники, — повторил я, глядя на неё. — Твои глаза — небесники. И вся ты словно послана мне небесами.

Она замерла, сорванный цветок выпал из рук.

— Ширран... — прошептала едва слышно.

— Лея, — шагнул к ней, взял её ладони в свои. — Не могу больше молчать... Я влюблён в тебя, мечтаю о тебе одной... Засыпаю и просыпаюсь с твоим именем в голове.

Она посмотрела на меня своими невозможными небесниками, и я прочитал в них то, чего так отчаянно желал: согласие, надежду, страх, любовь.

И я, обуреваемый желанием дракона и жаром в груди, наклонился и поцеловал, жадно, иступлённо.

Её губы были мягкими, как лепестки, сладкими, как горный мёд. Лея вздрогнула, растерялась, но не отстранилась, я понял: это её первый поцелуй. Меня затопила такая нежность к этой чистой девочке... Наплевав на жар, нетерпение, постарался быть нежным, осторожно притянул её к себе, чувствуя, как бьётся трепетное сердце, быстро-быстро, словно птица, которая попала в силки.

Девушка доверчиво прильнула ко мне, обвила руками шею, и я захотел её до того остро, что потемнело в глазах. Желание обладать бурлило в крови, но я сдержался, потому что она трепетала в моих руках такая невинная и чистая, не знающая мужчину, что грешно было настаивать на чём-то большем. Я, любимец женщин, тот, кто не останавливался ни перед чем, просто сомлел рядом с простой деревенской девочкой, просто удовольствовался тем, что чувствую её кожу под ладонями, вдыхаю нежный запах, ловлю дыхание в свои губы.

«Какая же ты... другая, ты только отдаёшь и отдаёшь мне, чем я заслужил такую?» — я чувствовал как быстро бьётся её сердце и казался себе счастливейшим из смертных.

— Лея, — прошептал, отстраняясь. — Я вернусь за тобой, обещаю. Привезу дары, попрошу твоей руки. Ты будешь моей женой.

— Обещаешь? — спросила тихо.

— Клянусь!

«Это единственная клятва, которую я не сдержал и...»

— Милый? — голос Далиры выдёргивает из воспоминаний. Моргаю — я всё ещё у окна, в одних нательных штанах, жена тоже ещё не совсем одета, и сквозь тонкое нательное платье вижу соблазнительные изгибы точёного тела.

— Кажется, Ворген вернулся, — она хмурится, глядя во двор. — Наверняка привёз очередного шарлатана.

Смотрю вниз, и точно: к воротам подъезжает повозка Воргена.

— Не могу выйти, ещё одеваюсь. Спустишься сам? Наверняка целитель по твою душу...

— Хорошо, — наспех натягиваю парадную рубашу, штаны, меня несколько не заботит, в чём выходить в светскую толпу клоунов и лентяев, где будут мусолить одни и те же сплетни, восхвалять одну и ту же оперу и волноваться насчёт повышения пошлин.

«Избито и скучно, побуду там немного и вернусь домой», — пальцы плохо слушаются, иногда после близости накатывает слабость. Ещё один признак того, что дракон во мне умер.

Иду к двери, а в мыслях так и вижу лицо иноземной лекарки и пронзительные глаза небесники.

«Почему я до сих пор вспоминаю тебя? — открываю дверь и иду к лестнице. — Ведь я встретил Далиру, свою истинную, и всё стало неважным. Вместо того, чтобы вернуться к девочке, у которой в последний день сорвал цветок невинности и которой обещал свадьбу, детей и достойную жизнь, я положил всё это к ногам другой.

«Детей... — в груди становится ещё холоднее, — детей у нас так и не родилось за все годы».

До Далиры я всегда был аккуратен, и ни одна из тех многих, кем обладал, не понесла, бастардов у меня нет. Далира пьёт какие-то травы, принимает зелья, но всё без толку. Истинная страдает, и я вместе с ней. Однажды она даже сказала, что, может, я возьму наложницу, которая родит наследника. Но мысль о другой женщине в моей постели и о ребёнке от другой... нет. Это недопустимо, пусть уж лучше будет как есть, чем я приведу в дом ту, что сделает истинной больно. Никогда!

Медленно, чувствуя, как, наконец, унимается предательская дрожь, спускаюсь в холл. Дворецкий открывает дверь, и в проёме появляется Ворген.

— Милорд, — кланяется он. — Я привёз вам особенную рабыню, лекарку. Она взяла жгучий ядотор голыми руками, спасла солдата от верной смерти прямо на аукционе. Такого дара я не видел за всю свою жизнь.

— Очередная шарлатанка, — отмахиваюсь я. — Ворген, мы же говорили...

— Нет, милорд, эта другая, — он качает головой. — Правда, с покорностью у неё беда. Купил её на торгах, так эта лекарка-чужестранка из Дурана, попыталась сбежать. Пришлось надеть ошейник, — он разводит руками. — Простите, что в таком виде в дом привёл, знаю вы не любите, но она ценна, не хотелось бы упустить. Уверен, поможет вашему дракону.

«Пыталась сбежать, — морщусь я. — Значит, ещё и воспитывать придётся, хотя... проще, наверное, отпустить очередную бесполезную недоучку».

— Ладно, — говорю вслух. — Показывай свою находку.

Ворген отступает в сторону, и в холл входит Парсон.

В меня словно попадает молния, когда вижу светлые волосы, собранные в простую косу, скромное синее платье, тонкие запястья, прямую спину и опущенную голову. «Невольница словно выплыла из моих видений» — смаргиваю, чтобы прогнать морок, но тот никак не проходит.

Девушка смотрит в пол, как положено рабыне.

— Приветствуй своего хозяина! — холодно говорит Ворген и понукаемая суровым холодным голосом она поднимает голову и смотрит на меня... голубыми глазами-небесниками, ровно такими же, как и восемь лет назад.

«Не может быть!» — на мгновение мне кажется, что я даже чувствую шевеление дракона внутри... а потом вижу рабский ошейник на тонкой белой шее.

«Лея!» — хочу сказать, но слова застревают в горле, язык словно прилип к гортани, пока жадно вглядываюсь в лицо, которое так много раз видел во снах, и понимаю, что не забыл до конца тоненькую хрупкую лекарку из Дурана.

Вижу, как расширяются её зрачки, как бледнеет лицо и дрожат губы, те самые медовые, которые целовал на лугу с синими цветами. Читаю в её глазах такое, что становится тошно: шок, боль, горечь и... ненависть, такую осязаемую и холодную, что она вонзается подобно острому клинку под рёбра.

Совсем юная девушка, которая трепетно вздыхала в моих объятиях и шептала «люблю», превратилась во взрослую женщину, опасную, красивую и... удивительно сильную. Крепость духа видна в том, с каким достоинством, несмотря на рабский ошейник, она держится, как смотрит.

Она смотрит на меня, и ненависть сменяется лёгким недоумением, и через мгновение, а может, и вечность, не могу понять, время будто исчезло, наши глаза встречаются, и я своих отвести не могу. А она... она и не думает. Глядя мне в глаза Лея тихо говорит:

— Я не чувствую твоего дракона, Ширран.

Слова быют наотмашь, так что я вздрагиваю: «Она знает, увидела то, что я прячу ото всех, и посмела сказать об этом без страха, холодно и беспощадно, несмотря на рабский ошейник».

По позвоночнику пробегает холод, а в сердце загорается что-то похожее на надежду.

*

Мои дорогие!

Приглашаю в свой завершённый роман.

Фальшивая истинная. Скандальная лекарка дракона

<https://litnet.com/shrt/sMSe>

ОДНА ОБМАНУЛА ТЕПЕРЬ ЕЕ В МОИХ

«ФАЛЬШИВ
СКАНДАЛЬНА
ОЛЬГА ЛИ

Глава 5. Встреча

Лея

Повозка катится по улочкам Гарванша, и я смотрю в окно на незнакомый город. Красивый, надо признать, есть в нём какой-то шарм: дома из необычного рыжего камня, увитые плющом балконы, фонтаны на перекрёстках. Впрочем, какая разница, если я еду по живописным улочкам в отвратительном рабском ошейнике, снедаемая тяжкими думами.

— Не вздумай выкинуть чего! — голос Воргена холоден. — И так пришлось этот ошейник на тебя надевать из-за побега твоего, хотя у нас в доме так не заведено, лорд Ширран человек светский, не приветствует такой жестокости.

— Не выкину, — не скрываю усталости и безысходности.

«Светский, — горько думаю я. — Надо же, раненый вражеский воин оказался светским лордом, живущим прекрасную жизнь со своей истинной».

Встреча с ним страшит всё больше, от того ещё жальче, что побег не удался...

Закусываю губу, сожалея об упущенной возможности.

В купальне я мылась быстро, украдкой оглядывая небольшое помещение. Парсон ждал за дверью, и, казалось бы, пути на волю нет, но, присмотревшись, увидела ещё одну неприметную дверь в углу, почти скрытую занавеской.

Сердце заколотилось быстрее от вспыхнувшей надежды. Служанка отвернулась к полкам с полотенцами, и я, улучив секунду, выскользнула, босая, в одном платье, с мокрыми волосами. За дверью оказался узкий коридор, скорее всего для прислуги, я побежала по нему, стараясь не шлёпать громко по каменному полу, свернула раз, другой, толкнула следующую дверь — и оказалась в хозяйственном дворе. На верёвках сушилось бельё: простыни, полотенца, чьи-то рубахи, пахло мылом и свежестью.

«Свобода!» — пригнувшись, я метнулась через двор, нырнула в проём между домами — и выбежала на улицу, побежала куда глаза глядят, дома вокруг казались одинаково-незнакомыми. Секунда-две, я свернула за угол — и едва не вскрикнула, передо мной стояла повозка на которой сидел Ворген, так близко, что не увидеть меня мог разве что слепец. Не теряя ни секунды, я развернулась и побежала в другую сторону так быстро, как только могла. Сердце грохотало в ушах, но даже сквозь этот шум слышала звуки погони. Поворот, ещё один поворот, ещё...

— Стой! — топот за спиной стал громче.

Я припустила ещё быстрее, лёгкие горели, влажные волосы хлестали по плечам, но топот сапог неумолимо приближался...

«Не уйти...» — и сильная рука схватила меня за плечо, рванула назад. Я вскрикнула, попыталась вырваться, но бесполезно, хватка была железной. Ворген развернул меня к себе — седые волосы растрепались, в глазах холодная ярость.

— Дура! — процедил он сквозь зубы. — Куда ты собралась? Думаешь, в чужом городе далеко убежишь? Без денег, без документов, со светлыми дуранскими волосами?

Я молчала, тяжело дыша. Да и к чему слова, если попалась?

После этого на меня надели унижительный рабский ошейник и пригрозили поркой, если выкину что-нибудь ещё. Но всё закончилось лишь словами, физически мне ничего не сделали. Это ещё не самый плохой расклад.

Повозка останавливается, чтобы пропустить расписной экипаж, и я вижу, как из богатой кареты на другом конце улицы выходит отвратительный толстяк с тройным подбородком, а следом за ним тоненькая, хрупкая девушка в полупрозрачном, невесомом платье и... в точно таком же, как у меня, тяжёлом ошейнике. Толстяк скалится, и собственнически хлопает

по пятой точке живую собственность, та вздрагивает, а я думаю, что быть лекаркой, голыми руками взявшей ядодвор, всё же лучше, чем вот такой рабыней для утех.

Конечно, лучше всего было бы остаться в Дуране, в тихом Речноцвете, ставшем мне домом после того, как родила Райана, но я пока не там, хоть и уверена, что выберусь и вернусь домой. Снова буду жить там, где в уютном деревянном доме у сына большая комната с разросшимися сказочными стенами, где я открыла свою лавку, где похоронила старую Фарину, ставшую мне наставницей и подругой.

— Приехали!

Повозка останавливается, мысленно собираюсь и готовлюсь... да сама не знаю к чему, просто ко всему сразу. Ясно одно: будет непросто. Рассматриваю величественный дом из светлого камня, с высокими колоннами и широкой парадной лестницей, ведущей к резным дверям. Окна сверкают в закатном солнце, на балконах — цветы. В саду кроваво-красные розы и фонтан с драконом, извергающим струи хрустальной воды.

«Богато живёт, — думаю с необъяснимой злостью. — Пока я выбиралась из убогой лесной лачуги и открывала своё дело, чтобы дать лучшую жизнь нашему ребёнку, спасённый арраносец не печалился о лекарке-простушке, а припеваючи жил в роскоши со своей истинной».

Впрочем, что мне до жизни дракона-обманщика, живёт себе и живёт, наверняка счастливо. Мне же, простой смертной рабыне, надо думать о том, как выбираться из драконьего логова.

Парсон помогает мне выйти из повозки. Ворген идёт впереди, я следую за ним, стараясь держать спину прямо. Рабский ошейник натирает, я останавливаюсь, чтобы поправить его, пока Ворген уже входит в дом. Всё внутри кричит: «стой, не ходи туда», ноги будто чугуном налились, не оторвать от плитки перед входом, на мгновение даже кажется, что от дома тянет каким-то неестественным холодом, но Парсон, ожидающий пока я поправлю ошейник, мягко подталкивает к входу.

Шаг, ещё шаг, мир теряет очертания, перед глазами темнеет от волнения, а потом слышу небрежное:

— ...показывай свою находку.

Подталкиваемая Парсоном, вхожу в просторный светлый холл с низко опущенной головой. Не решаюсь поднять глаза и посмотреть на него, а потом... Вижу закатанный рукав, перевожу взгляд на вторую руку и обнаруживаю на запястье правой руки своего нового хозяина белёсый шрам. Сердце бухает и подскакивает в груди.

— Приветствуй своего хозяина, — после недолгого молчания говорит Ворген.

«Это неизбежно», — набираюсь духу, понимаю, что как ни крути, а посмотреть на того, кому теперь принадлежит моё тело, придётся.

Поднимаю голову, и по телу пробегает разряд: «Это он!»

Ширран стоит у подножия лестницы, высокий, черноволосый, в небрежно застёгнутой рубашке с серебристой вышивкой, словно только что наспех оделся. Он заматерел, стал старше, чем был в воспоминаниях Леи, черты лица приобрели зрелость, появились складки у рта, а на лице неуловимая печать усталости, но осанка всё та же, гордая, властная.

Наши глаза встречаются, и драконьи очи вспыхивают золотом на миг, но тут же гаснут.

«Узнал!» — мысль не приносит облегчения, напротив больно жжёт.

Вижу, как расширяются его зрачки, как бледнеет лицо, как приоткрываются губы, словно он хочет что-то сказать — и не может.

«Что-то не так», — шепчет нутро лекарки, мой дар, который не только позволяет брать опаснейшие магические растения голыми руками, но и видеть энергию человека, его скрытую сущность.

Я смотрю на Ширрана чуть пристальнее и не чувствую того, что должна: не вижу жара, огня, мощи, которая обычно исходит от драконов. Странно, ведь он так силен, даже будучи

слабенькой целительницей много лет назад я чуяла его дракона, почти наяву слышала, как он тихонько рычал под кожей возлюбленного и рвался наружу.

Сейчас дракона в нём нет, одна пустота, словно предо мной стоит оболочка. Мой дар целительницы, отточенный годами практики, хочет всё перепроверить и без спроса тянется к нему.

«Ничего.... никакого дракона. Никакого огня. Только холод и... что-то тёмное, болезненное, свернувшееся внутри, как змея. Неужели это и есть тот самый дракон? Но почему он в таком анабиозе? Что случилось?»

Слова вырываются раньше, чем я успеваю подумать:

— Я не чувствую твоего дракона, Ширран.

Он вздрагивает и отшатывается, словно я ударила его.

Вижу, как меняется его лицо: шок, страх, боль. Он смотрит на меня так, будто я вонзила нож ему в грудь.

— Увидела, — шепчет Ворген и смотрит на меня с надеждой. — Видите, лорд Раштар, она и правда находка! Увидела, смогла... — и мужчина переводит взгляд на господина.

Ширран молчит, стоит и смотрит на меня так, что хочется закричать прямо ему в лицо: «Да, это я, та, кого ты звал замуж, та, кого ты предал! И я вижу, что с тобой случилось за эти годы!»

Но я благоразумно молчу, хотя это и трудно.

Сверху раздаётся женский голос:

— Любимый, я готова! Твой сюртук сейчас вынесут.

По лестнице спускается ослепительно красивая женщина.

«Истинная», — пронзает странной болью догадка.

Чёрные волосы ниспадают локонами, алое платье облегает точёную фигуру, рубины сверкают в глубоком соблазнительном декольте. Она двигается плавно, уверенно, как красавица, которая знает себе цену.

Но я смотрю на неё иначе, не как на красавицу, нет. Не могу, потому что чувствую то, что исходит от неё: тёмная сила, холодная, как сама смерть. Ощутимо веет могильным, гнилостным духом, несмотря на магические притирания, которыми дамочка явно пользуется в изобилии. С трудом сдерживаюсь, чтобы не зажать нос, взглядываю на Ширрана, на Воргена и понимаю: они ничего не ощущают, это уловила только я.

«Что это?..»

Мой дар тянется к ней — и натывается на глухую тёмную стену, кто она такая понять не могу, но явно не из простых, наверняка ведьма, только вот особая магия у неё, чую...

— Хорошо, милая, — голос Ширрана звучит глухо. — Отведи лекарку в хорошую комнату, — это указание Воргену. — Побеседуем завтра.

Женщина спускается по лестнице, подходит ко мне. Смотрит оценивающе, как смотрят на скотину на ярмарке. Её тёмные глаза скользят по мне, вызывая дрожь.

— Стало быть, ты новая зверюшка, которую притащил Ворген? — голос у неё мелодичный, но в нём звенит что-то острое, опасное, и на мгновение кажется, что ведьма прощупывает меня так же, как я попыталась прощупать её.

— Зря вы так, госпожа Далира, — ошетиливается Ворген. — Хорошая лекарка, ядобор голыми руками взяла и...

— Вели подавать лошадей, — Ширран перебивает его, обращаясь к женщине. — Нас, наверное, уже заждались.

— Кое-кто был слишком ненасытен, — Далира бросает на меня колючий взгляд, а в её словах звучит намёк, который невозможно не понять. — А лошадей я уже велела подать, любимый.

Ширран предлагает ей руку и держится так, словно ему неловко, словно он хочет поскорее уйти, убежать от нашей встречи, от меня.

— Тогда пойдём.

Леди Раштар ласково улыбается и принимает руку, и они — хозяева окружающего меня великолепия, удаляются. Далира на прощание бросает на меня ещё один взгляд — такой, что по коже бегут мурашки и меня охватывает стойкая уверенность: «Она меня запомнила и совсем не рада новой лекарке».

— Ты не выпил своё зелье, Ширран, я взяла пузырёк с собой... — вздрагиваю, услышав, как она мягко отчитывает супруга.

Меня же уводят в глубину дома, направо по коридорам, потом по узкой лестнице вниз, наверное, в помещения для прислуги. Комната, которую мне определили, оказывается небольшой, но чистой и со всем необходимым: кровать, стол, стул, узкое зарешеченное окно.

— Располагайся, — буркает Парсон. — Ужин скоро принесут, и не вздумай опять сбегать — наказание будет суровым.

Он уходит, в двери щёлкает ключ.

Я сажусь на кровать, провожу пальцами по холодному железу на шее.

«Ошейник никто снять не позаботился, — думаю горько. — Да и зачем, я же звешья...»

Закрываю глаза, а передо мной стоят бледное потрясённое лицо Ширрана и глаза, в которых на миг вспыхнуло золото, хоть дракона я и не почувствовала.

«Что с тобой случилось, Ширран?» — гадаю я. — И как я могу излечить тебя? — мысли кружат, перелетают от дракона к его жене, и я почти уверена, что её тьма тут как-то замешана. — Но ведь... они истинные, как такое может быть?»

Не могу сдержаться и прокручиваю в голове нашу встречу снова и снова, невольно наслаждаюсь узнаванием в его глазах, почему-то кажется важным то, что он всё ещё помнит простую лекарку-крестьянку из Дурана.

«Помнит... Я тоже помню, хоть воспоминания и не мои», — снова оказываюсь в прошлом Леи, в том дне, когда она зачала дитя от Ширрана.

Солнечным погожим днём они шли за ягодами медянки, остатки которых ещё можно было собрать в одном местечке за дубровником в старом лесу. Сладкие янтарные ягоды уже почти отошли, но если знать, где искать, то последние лесные дары собрать ещё можно было, к тому же мать собралась делать особую настойку из медянки, которую охотно покупали деревенские.

Стояла тёплая, ласковая погода, солнце пробивалось сквозь листву и ложилось золотыми пятнами на тропинку. Лея украдкой поглядывала на идущего рядом Ширрана, чувствовала жар его руки на своей ладони и трепетала. После того поцелуя на лугу все изменилось: каждое случайное прикосновение обжигало, от каждого взгляда сердце замирало, а ночами... ночами она представляла всякое, заходила в смелых мечтах далеко.

Кажется, мать стала замечать неладное и сегодня утром в очередной раз сказала Лее, что Ширрану пора и честь знать.

— Надеюсь, ты тоже блюдёшь свою честь, как и должно воспитанной девице, — и мать так выразительно посмотрела, что захотелось сквозь землю провалиться. — Отец вернётся с войны, жениха тебе подыскивать будем.

«Он у меня уже есть», — едва удержала мысли с виду покорная Лея.

— Мама хочет, чтобы ты ушёл, — тихо сказала девушка, теребя край тонкой накидки. — Говорит, ты вполне здоров, а нам... негоже держать у себя чужого мужчину.

Как ни старалась, слёз в голосе не сдержала. Ширран почувствовал тревогу любимой, остановился и притянул к себе.

— Я понимаю, — его глаза мерцали золотом и смотрели серьёзно и нежно. — Чужим я пробуду недолго... Лея, я хочу сегодня же испросить у твоей матери разрешения на нашу свадьбу. Скажу, что вернусь с дарами и посватаюсь, как у вас принято. А потом уйду, и вернусь так быстро, как только смогу.

— Ах, Ширран... — выдохнула девушка.

Он притянул её ещё ближе, поцеловал жадно, нетерпеливо. Лея обвила его шею руками, прижалась всем телом, чувствуя, как внутри разгорается жар — тот самый, что не давал спать по ночам.

Поцелуй становился все горячее, и она почувствовала его желание у своего бедра, твёрдое и пульсирующее. Кровь ударила в голову, голова закружилась. Сама не понимая, что делает, девушка скользнула ладонью вниз, коснулась внушительного бугра через ткань штанов и сжала.

— Ле-е-ея... — простонал Ширран ей в губы, растягивая её имя, — Лея, я же не сталь-ной... могу и не сдержаться, не дразни...

— Я не дразню, — прошептала она, глядя ему в глаза. — Мы всё равно поженимся... Я хочу познать тебя, стать твоей...

Дрожащими руками Лея расстелила свой платок-накидку на траве под сенью старого дуба, а Ширран смотрел на неё, жадно и тяжело дыша. Дракониный огонь пылал в нём так ощутимо, что на руках проступила чёрная кобальтовая чешуя.

— Ширран... — Лея села на платок и посмотрела на него, чувствуя, как пылают щёки. Он же обжёг её таким страстным взглядом, что внутри стало ещё жарче и любовная горячка скрутилась тугим пульсирующим узлом внизу живота.

Возлюбленный опустился рядом, осторожно уложил тонкую фигурку на мягкую ткань и поцеловал так, что она издала невольный сладкий стон, а он уже прокладывал горячую дорожку из поцелуев всё ниже, от губ к шее, ключицам... Руки дракона скользили по телу разнося истому, и в этой сладкой неге она и не поняла, как он развязал шнуровку на груди, лишь выгнулась дугой и простонала, когда он поцеловал налитые желанием груди. Когда он вошёл в неё, боли почти не было. Короткий укол, а потом только он — горячий, сильный и нежный внутри пылающего лона. Ведомая первобытными инстинктами и спящей прежде чувственностью, Лея обхватила его бедра ногами, запустила руку в тёмные волосы и наслаждалась тем, как он двигается в ней медленно, бережно, целуя её уста.

— Я люблю тебя, — шептала она ему в губы. — Люблю, люблю...

— И я тебя, — хрипло отвечал он. — Моя Лея, только моя...

Солнце пробивалось сквозь листву и освещало их сплетённые нагие тела, где-то пели птицы, но всё это было неважно. Весь мир сузился до его глаз, золотых, расплавленных, смотрящих на неё так, словно она была сокровищем. Внезапно он издал глухой, похожий на рык стон, и она почувствовала, как он излился в неё, вздрогнула от короткого болезненного спазма собственного удовольствия.

Потом они лежали рядом, и он гладил растрепавшиеся светлые волосы, целовал в висок.

— Я вернусь за тобой, — сказал он. — Клянусь! Меньше чем через месяц я буду здесь с дарами. И ты станешь моей женой.

— Я верю, — прошептала она, чувствуя безграничное тёплое счастье.

— Так и будет, моя Ле-е-ея...

Лея улыбнулась и положила голову ему на грудь, замерла, слушая, как быстро бьётся сердце любимого.

«Мы будем счастливы, мама наверняка согласится, а нет, так скажу, что потеряла с ним невинность», — мечтала юная девочка, только что ставшая женщиной.

Чувствую, что жар чужих воспоминаний опалает даже меня, встаю с кровати и начинаю мерять шагами маленькую комнатку. Это «обещаю», такое искреннее, не похожее на ложь, до сих пор звучит у меня в голове.

Горечь струится по венам, и я дотрагиваюсь до рабского ошейника. Вот во что превратились все слова: он даже не вспомнил о бывшей любви и об обещаниях и ничего не сказал. Повёл себя так, будто я просто какая-то старая знакомая, сказавшая неприятную, неудобную правду. О том, чтобы освободить даже речи не завёл. «Побеседуем позже» — вот и всё, чего я теперь достойна.

Усмехаюсь и снова трогаю ошейник: «Этого ты ждала, Света? Что он бросится, упадёт на колени, будет просить прощения? Глупости. Это Лея могла бы ждать, а не ты. С чего ему это делать? У него не просто жена, а истинная, пусть и с тьмой в глазах, но какая есть, истинных не выбирают».

Ложусь на кровать, смотрю в потолок и чувствую, как же я устала за эти долгие полные отчаяния дни на чужбине.

«Возможно, то, что я смогла увидеть, поможет мне. Судя по всему, я первая, кто вообще хоть что-то увидел. А ещё интересно, что дракона нет, но глаза при виде меня всё же вспыхнули золотом... Может, он спит? Но как понять? Дождаться завтра? Дождаться этого загадочного «побеседуем завтра»? Наверное... Что мне ещё остаётся, разве я вольна покинуть этот дом и пойти на поиски Ширрана, чтобы хорошенько осмотреть его?»

Где-то вдалеке слышен цокот копыт, наверняка Ширран и Далира уезжают на свой приём.

Мысли снова возвращаются к дракону без дракона внутри и я думаю: «А смогу ли я вернуть его?» Материнский инстинкт тут же принимается нащёптывать, что, возможно, за исцеление этого самого дракона можно попробовать выторговать свободу и уехать к сыну, нужно лишь сделать то, что я умею лучше всего — вылечить больного, найти нужную траву, подобрать правильный состав зелья.

И вот, рабыня с железом на шее послушно сидит в своей комнате и перебирает в уме травы, которыми можно попробовать разбудить спящего дракона, чтобы поскорее вернуться домой и навестить сына с точно таким же золотом в глазах, которое увидела сегодня в тёмных глазах своего хозяина.

Служанка приносит еду, я ем, не чувствуя вкуса, а потом снова ложусь на кровать и продолжаю перебирать в уме знакомые травы. Незаметно для себя засыпаю тяжёлым тревожным сном, из которого меня выдёргивает какой-то неясный шум. Открываю глаза и вижу, как в крошечной темноте в мою комнату, держа в руке магическую сферу, входит... Ширран.

— Ле-е-ея, — шепчет он, — я не смог дождаться завтрашнего дня... Уехал пораньше с приёма... К тебе.

*

Мои дорогие, приглашаю вас в свой завершённый роман о лекарке-попаданке!

Разведённая лекарка. Дракону нужна! 18+

<https://litnet.com/shrt/Ww1q>

Глава 6. Надежда

Ширран

Карета увозит нас с Далирой прочь от поместья. Истинная сидит напротив, в вечернем платье цвета рубинового вина, и протягивает мне пузырёк с зельем:

— Милый, ты забыл выпить снадобье.

Беру флакон, откупориваю, опрокидываю в рот. Зелье маскировки обжигает горло, растекается по венам холодом. Но не это занимает мои думы, перед глазами до сих пор стоит удивлённое лицо Леи, а в ушах звучит: «Я не чувствую твоего дракона, Ширран». В груди шевелится смутная надежда, что, может быть, та, кто однажды исцелила человека, сможет помочь и дракону?

— Что будешь делать с дуранской шарлатанкой? — спрашивает Далира, вроде бы и ровно, но всё же слышу едва уловимое напряжение.

— Она из Дурана, но она не шарлатанка, — откидываюсь на бархатную спинку.

— Вот как? — жена приподнимает бровь.

— Эта женщина единственная вне нашего дома, кому можно доверять, — говорю, глядя в окно на проплывающие мимо магические красноватые фонари. — Именно она спасла меня восемь лет назад, когда я был ранен на старой дуранской войне. Именно благодаря этой лекарке моя правая рука осталась при мне, да ещё и двигается, — привычно провожу пальцем по шраму под манжетой.

— Хм, — Далира смотрит на меня испытующе, — стало быть именно на этой крестьянке ты хотел жениться...

— Пока не встретил тебя, — беру её руку, подношу к губам. — Я люблю лишь тебя, Далира, ты моя истинная. А то, что было с лекаркой... осталось в прошлом.

— Ширран, — она придвигается ближе, шепчет: — Я так люблю тебя... и мне больно от того, что та, с кем ты наверняка делил ложе, здесь, в нашем доме, и...

— Далира! — перебиваю жёстко. — Она первая из лекарей, кто увидел, что моего дракона нет.

Тёмные глаза округляются:

— Что?! — голос звенит удивлением.

— Да, — киваю. — Ни один маг, ни один целитель за весь год даже не понял, в чём дело. А она увидела сразу, ещё и не побоялась сказать прямо в лицо. Я сначала ушам своим не поверил, а теперь появилась надежда на то, что дракона ещё можно вернуть. Я чувствую, что Лея сможет помочь.

Далира недовольно молчит, смотрит в пол слегка поджав губы, а я продолжаю, чувствуя, как голос становится жёстче:

— Так что не ревнуй, это бессмысленно. Лекарка исцелит меня, а после уедет в свой Дуран.

Одна мысль о том, что на Лею могут косо посмотреть или что-то ей сказать, вызывает глухое бешенство. Даже если недовольна Далира, жене придётся потерпеть, на кону моя жизнь, мой дракон.

«Ты всё поймёшь, — думаю, глядя на истинную. — Если я стану прежним... если в моих венах снова побежит огонь...»

Далира понимающе кивает, садится мне на колени и нежно целует, разжигает пожар в чреслах. Она будто бы окутывает своим неповторимым сладким запахом и нежно шепчет:

— Прости, милый, конечно, если она сможет исцелить тебя, если что-то увидела... Это настоящее чудо, нужно попытаться. А я... я была не права и очень хочу загладить свою вину...

Она целует меня всё жарче, ласкает рукой возбуждённую плоть сквозь штаны, пока я не издаю глухой стон, затем опускается на колени, прямо на тряский от езды пол кареты. Миг, и ловкие пальцы расстёгивают мои штаны, пока глаза смотрят снизу вверх, покорно, как и должно жене. Запускаю руку в тёмные волосы и прикрываю глаза, чувствуя, как её губы обхватывают меня, ласкают горячо и умело. Только вот перед мысленным взором почему-то другое лицо, голубоглазое, слегка зардевшееся, с губами цвета малины.

«Что за наваждение...» — кончаю с глухим стоном, Далира садится мне на колени обнимает и шепчет: «Люблю», а я вспоминаю, как то же самое мне шептала сквозь стоны близости моя новая рабыня.

Когда мы прибываем в особняк Арванов, сияющий сотнями магических сфер, Далира как ни в чём не бывало поправляет платье, подкрашивает губы и с лёгкой улыбкой принимает руку. Мы выходим в музыку, смех, шелест платьев и звон бокалов — всё, что я возненавидел за последний год вынужденной светской жизни, в которую меня загнал постыдный недуг.

Далира тут же растворяется в толпе подруг, а я беру бокал вина и отхожу к колонне — наблюдать. Мимо проплывают лица: кто-то кланяется, кто-то заискивающе улыбается лорду Раштару, грозе Дурана, герою Западного похода. Если бы они знали, что внутри меня — пустота...

— Лорд Ширран!

Оборачиваюсь. Ко мне идёт генерал Кейрон — рука на перевязи, шрам через щёку свежий, ещё розовый, видно был глубок, раз виднеется даже после магического лечения. Старый вояка явно только что с фронта, это видно по коричневатому загару и усталым глазам.

— Генерал, — пожимаю ему здоровую руку. — Давно с юга?

— Третий день, — он морщится. — Проклятые дуранцы подтянули резервы. Мы несём серьёзные потери, Раштар.

— Насколько серьёзные? — на секунду снова становлюсь военным, командиром, а не ручным аристократишкой.

— Потеряли Южный перевал. Два полка разбиты. Молодые командиры... — он неодобрительно качает головой, — горячие, глупые, лезут в атаку без разведки, без продуманного до мелочей плана. В итоге люди гибнут словно свиньи на бойне.

Сжимаю челюсти, вспоминаю Южный перевал. Я взял его пять лет назад, положив всего пятьдесят воинов. А теперь...

— Нужен опытный стратег, — Кейрон смотрит на меня в упор. — Такой, как вы, лорд Раштар. Поговаривают, вы отошли от дел временно, не хотите ли вернуться? Сейчас самое время, империи нужны её лучшие сыны.

Молчу, чувствуя комок отчаяния в горле.

«Вернуться... Туда, где я был живым. Где мой дракон рвался в бой, где кровь кипела от восторга битвы... Как же я хочу этого...»

— Через месяц в Южный перевал отправят новые силы, — вкрадчиво продолжает Кейрон. — Нужен сильный, опытный командир. Вы же знаете, стоит вам изъявить желание, и возглавите усиленные отряды... Его величество будет рад видеть вас во главе.

«Месяц... — думаю напряжённо. — А буду ли я драконом через месяц? А если не через месяц, то когда? Никогда? И что мне так, всю жизнь гнить по парадным залам с бокалом вина в руке?»

Смотрю на Кейрона, израненного, уставшего, но живого. Он сражается и живёт, пока я прозябаю по балам и пью зелья.

«Может быть, это знак... Сегодня Лея подарила мне надежду, а теперь и Кейрон намекает, что моему возвращению будут рады...»

— Можете рассчитывать на меня, — говорю прежде, чем успеваю передумать.

Кейрон расплывается в улыбке:

— Передам его величеству. Возможно, вскоре вас пригласят на аудиенцию.

Киваю, допиваю вино. Мысли снова устремляются к Лее.

«Она смогла увидеть то, чего не видел никто. Может, она и вернуть сможет? Однажды ведь уже вытащила меня...»

Ищу глазами Далиру — жена щебечет в кругу светских львиц, смеётся чему-то. Моего отсутствия даже не заметит...

Тихо выхожу через боковую дверь, кучер курит сидя на облучке. Он удивлён, но быстро тушит самокрутку и подаёт карету.

— Домой! — бросаю коротко.

«К ней... К Лее», — шепчет сердце.

Пока лошади быстро бегут по тихим ночным улицам, я думаю: «Что было бы, если бы я не встретил Далиру? Как сложилась бы наша жизнь с Леей? Любила бы она меня после того, как наши страны снова начали войну?»

Вхожу в притихший дом, спрашиваю у полусонной служанки, где разместили Лею.

— Так ведь в комнатах для прислуги, милорд, куда ж ещё рабыню-то...

«Ещё, наверное, и ошейник это позорный не сняли», — чувствую злость и беру магическую сферу, зачарованный ключ и спускаюсь по лестнице к комнатам прислуги. Сердце колотится так, словно я снова влюблённый раненый мальчишка, а не знатный лорд-дракон в своём доме.

В тихом коридоре кажется, что ключ в замке поворачивается особенно шумно, скрипуче.

Лея спала, вижу едва проснулась, на ней лишь тонкая ночная рубашка, светлые косы разобраны, волосы ниспадают шёлковой волной и кажется, так и сияют в свете магической сферы. Она смотрит на меня с немым вопросом в глазах, а я вглядываюсь в неё, и на секунду кажется, будто не было этих восьми лет, будто я снова в том сарае, а она пришла, чтобы ухаживать за мной.

Непривычно щемит в груди. Отголоски былых чувств шевелятся, не дают сердцу покоя, будоражат мысли.

— Ле-е-ея, — почему-то шепчу как раньше, когда всё было по-другому.

Она едва заметно вздрагивает, в глазах-небесниках мелькают тени прошлого.

— Я не смог дождаться завтрашнего дня, — говорю тихо. — Уехал с приёма... к тебе.

Она садится, комкает одеяло:

— Зачем? — в голосе сквозят недоверие вперемешку с разочарованием.

— Затем, Лея, что я помню всё, — делаю шаг ближе. — Каждый день в том сарае, каждое твоё прикосновение, каждую каплю потраченной тобой магии.

— Ширран... — она смотрит с такой горечью, что хватило бы на то, чтобы затопить ею эту маленькую комнатку.

— Я в долгу перед тобой за то спасение, — подхожу к ней ближе, — в особом драконьем долгу.

Касаюсь тёмного металла на тонкой шее, горечь во взгляде девушки сменяется удивлением, когда достаю ключ. Он звонко и весело лязгает в тяжёлой рабской железке. «Щёлк!» — и ошейник падает на пол с яростным грохотом.

Она будто не верит, прикасается к шее, к красному следу металла на нежной коже, а потом поднимает на меня глаза, и между нами повисает что-то... обжигающее, такое горячее, что я чувствую себя прежним — молодым, здоровым, сильным и... влюблённым впервые в жизни. От этого притяжения перехватывает дыхание, я подаюсь вперёд, сам того не осознавая, ведомый телом, инстинктом, жаром:

— Ле-ея, — ночная рубашка оголяет нежное плечо, и моя рука так и тянется к нему, будто хочу проверить, а реальна ли она, или я очутился в мире грёз и воспоминаний.

Лея смотрит на меня так, будто видит впервые, а потом снова шепчет:

— Ширран... — и этот тихий шёпот проникает так глубоко в сердце, что я... чувствую, что жив.

Я придвигаюсь неприлично близко, а она... она отстраняется:

— Спасибо, — голос ровный, холодный. — Хозяин.

Если слова могут бить, то только что она отвесила мне грубую тяжёлую пощёчину. Отступаю. В груди колет разочарование, которого не должно быть.

— Не хозяин, а тот, кто отдаёт драконий долг, тот кто помнит всё хорошее, что ты сделала для меня.

«И твои губы на вкус», — думаю с отчаянием.

— И как же ты его отдашь? — она пытливо смотрит на меня. — Неужто освободишь?

— Да, освобожу. Негоже тебе ходить невольницей.

Она снова смотрит на меня так, будто видит впервые, пристально, изучающе.

— Спасибо, коль не шутишь, — слышу нотки недоверия и думаю о том, что та, на ком обещал жениться и не сдержал слова, имеет право мне не верить.

— Лея, — смотрю ей в глаза, — я знаю, что виноват перед тобой и прощения мне нет. Много раз за эти годы я порывался написать тебе, всё объяснить. Но...

— Но случая не представилось? — она приподнимает бровь и напоминает мне дознавателя Крауменса, известного своей жёсткостью и прямолинейностью с теми, кого допрашивает.

— Я встретил истинную, — просто говорю я. — И всё остальное для меня перестало существовать. Такова природа истинности, такова природа дракона, мало кто может понять, что мы чувствуем, обретя это дар.

— Куда уж мне, — усмехается она.

— Прости, — просто и устало говорю я. — Прости за то, что всё так вышло.

Лея внезапно усмехается и огорошивает меня:

— Прощаю, Ширран. Что было то было, я это пережила. И прожила за эти годы так много, что кажется стала совсем другим человеком. Так что, спасибо, что освободил меня, я благодарна всему в той ситуации, в которой оказалась.

«Не девочка, а зрелая женщина, — смотрю на красивую белокурую молодую женщину. — Никаких истерик, никаких упрёков, вместо этого спокойно поговорили двое взрослых людей, переживших любовь и расставание».

— Я тоже буду благодарен тебе, Лея, если ты кое-что сделаешь для меня, — добавляю немного острых специй в сладкий мёд примирения.

— Ах вот как? — вздыхает разочарованно. — И что же я должна сделать?

— Ты единственная, кому я могу доверять... Единственная, кто увидел... Молю, исцели меня, пробуди моего дракона...

— Что? — она чуть хмурится.

— Ты же сама сказала, что не чувствуешь его. Я не знаю, что со мной случилось после магической раны, которую я получил немногим больше года назад, но за всё это время я ни разу не почувствовал своего зверя и не обернулся. Да и сам я... забыл, когда во мне пылал огонь, забыл, когда по-настоящему радовался жизни.

Глаза-небесники смотрят заинтересованно, пытливо и я продолжаю:

— Целый год я хожу по лекарям, целителям, ведьмам в надежде вернуть его, но... никто даже не видит, что его во мне нет. Для всех всё по-прежнему, а я... я не живу, не чувствую как должно, напоминаю себе умертвие, что лишь выглядит как дракон, а на самом деле давным-давно лежит в проклятой земле, — чувствую, что слова льются из меня, подобно потоку реки, которая наконец-то преодолела затор. — Сегодня... сегодня, когда ты сказала, что не видишь моего дракона, я впервые почувствовал надежду, впервые почувствовал, что может... может, ты сможешь, ты ведь уже однажды вытащила меня из реки небытия.

— Ширран... — кажется она хочет возразить.

— Я доверяю только тебе, и у меня месяц на то, чтобы выздороветь.

— То есть ты хочешь, чтобы за месяц я сделала то, чего не смогли другие за год? — она снова приподнимает бровь.

— Да... — тяжело сглатываю. — Ты не такая, как наши маги и лекари, может, мне и нужна такая, отличная от других лекарка.

— А потом? — она склоняет голову набок. — Я так понимаю, ты отправишься жечь мой Дуран?

— Да, — говорю прямо. — Я генерал, и у меня такая работа.

Её губы кривятся в усмешке, но я продолжаю, чувствуя, как закипает раздражение:

— А если не я, так это сделает кто-то другой. Воюют наши государи, Лея. Я, ты, простой люд — всего лишь пешки в их игре за власть и земли. Но в отличие от многих генералов я не беру рабов в походах, не пользуюсь правом завоевателя, не зову завоёванных женщин в свой шатёр и никого ни к чему не принуждаю.

— Какое благородство! — яд в её голосе обжигает.

— Лея, — рычу, сжимая кулаки, — не смей говорить со мной в таком тоне! Не забывай: по документам я ещё твой господин.

— А как же драконий долг? — она вскидывает подбородок, и в глазах пылает вызов.

— Я могу тебя освободить, — цежу сквозь зубы. — Прямо сейчас отпустить на все четыре стороны, но вероятность, что по пути домой тебя схватят снова, очень высока. На дорогах беспокойно, на границах и того хуже, не забывай, идёт война. Могут взять где угодно.

Она угрюмо молчит, и я добавляю тише:

— А если поможешь — хоть на моей спине лети домой. Конечно, когда я снова смогу летать.

Лея смотрит на меня долго-долго, а потом говорит, как самый суровый ростовщик:

— Если я исцелю тебя, Ширран Раштар, попрошу многое. И мне нужны гарантии, что я получу всё, чего захочу.

— Говори, — смотрю на неё в упор. — Клянусь, я всё...

— Нет уж! — она усмехается, и эта усмешка бьёт сильнее пощёчины. — Ты уже клялся однажды.

Вздрагиваю, но молчу: правда за ней.

— Завтра, — продолжает Лея деловито и сухо, — ты подпишешь мне вольную и переселишь в хорошую гостевую комнату без решёток на окнах и запертой двери. После ты подпишешь договор намерения со мной как со свободной женщиной, в котором дашь свою защиту знатного лорда-дракона, генерала. Только после этого я займусь твоим лечением, — припечатывает она. — Таковы мои условия.

Смотрю на неё, такую обманчиво-мягкую внешне и не узнаю. Где та доверчивая девочка, которая шептала «люблю» в высоких травах, пока я наслаждался её горячим податливым телом? Где та Лея, которая смотрела на меня с обожанием и верила каждому слову, куда испарилась?

Сейчас передо мной сидит совсем другая холодная и опасная женщина, которая ещё несколько минут назад была в рабском ошейнике, а уже диктует мне, лорду Раштару, свои условия.

И почему-то меня это... возбуждает.

— Хорошо, — говорю так же холодно, как и она. — Я сделаю всё, а ты со своей стороны тоже будь добра расстарайся. И не вздумай меня обманывать!

— Не обману, мой господин, — она чуть улыбается, и в голосе звучит такой насмешливый вызов, что внутри вспыхивает тёмное, запретное и острое желание. Хочется схватить её, прижать к стене, впиться в насмешливые губы и...

Сжимаю кулаки, прогоняю неуместную блажь.

— Завтра, — цежу сквозь зубы, — ранним утром тебя проводят в твои покои, госпожа лекарка лорда Раштара.

Мысленно исторгаю старые драконьи ругательства и выхожу из комнаты. Поднимаюсь по лестнице и в гостиной сталкиваюсь с Далирой.

— Ширран? Ты уехал с приёма, я волновалась, что с тобой, где ты был, почему ещё не спишь... — в нежном голосе звучит какое-то подозрение.

Без слов подхватываю её на руки, в чреслах полыхает неуёмное желание близости, распалённое спором с Леей, жадно целую мягкие губы. Далира вскрикивает, смеётся:

— Ширран! Что ты...

— Просто хочу свою красивую жену... — несу её в спальню, жадно целую по пути.

В покоях срываю с Далиры платье, чтобы войти в неё грубо и жёстко. Она стонет, разгорячённая поцелуями и обхватывает меня ногами.

Закрываю глаза и вижу голубые глаза-небесники и насмешливую улыбку, а в ушах звенит насмешливое: «Не обману, мой господин».

Рычу сквозь зубы и двигаюсь ещё жёстче, пытаюсь прогнать проклятый образ дерзкой рабыни.

Не выходит...

*

Мои дорогие, приглашаю вас в свою завершённую историю про очень необычную попаданку.

Кристина была... эскортницей. А попала в тело обесчещенной аристократки накануне свадьбы с жестоким графом. На кону теперь ее жизнь.

Осторожно, в романе жаркие сцены! 18+

Попаданка: из содержанки в графини

<https://litnet.com/shrt/zYSc>

<https://litnet.com/shrt/O7F9>

Глава 7. Чужие чувства

Лея

Стук в дверь выдёргивает из тревожного сна, в котором меня снова берут в плен, во время похода к дальней приметке за полун-травой. Во сне я пытаюсь убежать, так же, как и в тот день, но не могу: главарь вражеского отряда грубо хватает меня за руку и вкрадчивым знакомым голосом говорит: «Попалась!» Вздрагиваю и смотрю на него, во сне лицо предводителя чёрных головорезов другое, знакомое Лее до боли, потому что оно принадлежит Ширрану.

— Я не зову в свой шатёр, ты придёшь сама, — говорит он, глядя на меня золотыми глазами. Внутри вспыхивает сладкое запретное желание к чужому мужчине, а потом...

Я открываю глаза, шурюсь, оттого что в узкое зарешёченное окно пробивается яркий утренний свет, а в дверях уже топчется молоденькая служанка.

— Госпожа лекарка? — голос тонкий, робкий. — Меня послали за вами, чтобы отвела в ваши новые покои.

«Госпожа лекарка, надо же, — приподнимаюсь на неудобном ложе. — Ещё вчера я была рабыней в ошейнике, а сегодня стала госпожой, какие метаморфозы. Видно, Ширран и вправду в отчаянии».

Встаю, одёргиваю тонкую нижнюю рубаху, надеваю помятое несвежее платье под любопытным взглядом служанки. Похоже, рабов тут не принято переводить в хорошие господские комнаты, и эта девочка, лет пятнадцати разглядывает меня, как какую-то диковинку. Однако вопросов не задаёт.

— Идёмте, — она делает приглашающий жест. — Лорд Раштар велел поселить вас в гостевой комнате.

Иду за ней по коридорам, поднимаемся по лестнице, сворачиваем. Пытаюсь запомнить, что и где в огромном доме, иначе можно заблудиться. Минуем широкий холл, снова сворачиваем... Повсюду портреты, дорогие вазы да гобелены, как и положено в доме именитого лорда. Наконец служанка останавливается у резной двери из светлого дерева.

— Вот ваша комната, госпожа, устраивайтесь, а я сейчас принесу вам завтрак, — она открывает дверь, приглашая меня в комнату и уходит.

«Надо же, и на вы, и на ключ не закрывают», — внутри бурлит непонятная злость вкупе с ощущением, что я не выпалась. После ночного разговора с Ширраном я ещё долго-долго лежала на узкой неудобной кровати и не могла понять, что со мной происходит. За семь лет в этом мире чужие горести и боли испарились, растаяли дымкой, но когда я увидела Ширрана, то почувствовала странное влечение.

Когда ночью он вошёл в мою почти тюремную комнатушку, я почувствовала это притяжение снова, да так, что испугалась самоё себя. Ведь я не юная девочка, какой была Лея, а взрослая, опытная и умудрённая жизнью женщина, за плечами которой один законный и два гражданских брака. Я уже влюблялась, злилась, летала в небесах от счастья, разводилась, но ни разу не чувствовала такой гаммы эмоций и тяги к партнёру. Ни разу внизу живота не пылало такое пламя при одном взгляде на мужчину, а уж когда он потянулся ко мне с явным намерением дотронуться, а то и поцеловать, я и вовсе испугалась.

«Нельзя испытывать того, что вспыхнуло во мне к бывшему возлюбленному, предавшему свои обещания. Да он даже не позаботился нормально расстаться, если уж на то пошло, просто пропал с радаров, а ты, Леюшка, будь добра как-то справишься. Я всё понимаю, встретил истинную, полюбил, оторваться от черноглазой ведьмы не можешь, но останься мужчиной, скажи обо всем честно, чтобы тебя не ждали и не надеялись! — и невольно усмехаюсь: — Неважно какой мир, волшебный средневековый или высокотехнологичный, где ты можешь голосовать

и летать на самолётах, мужики везде одинаковы, сделал дело и в кусты, а ты расхлёбывай. Ни дать ни взять — мои бывшие!»

Хорошо хоть вспомнил, что не только воспользовался доверчивой влюблённой девочкой, но и добро, которое эта самая девочка ему сделала и освободил.

«Есть всё же в тебе, Ширран Раштар, что-то человеческое. Ну или лорд в отчаянии, а воспоминания о прошлом, ностальгические нотки в голосе и снятый с меня ошейник были лишь прелюдией к тому, что дракону снова что-то от меня нужно», — за такими размышлениями вхожу в просторную, залитую утренним солнцем комнату.

Оглядываюсь и остаюсь довольна увиденным: широкая кровать с балдахином, туалетный столик с зеркалом, мягкое кресло у камина, книжные полки и окно без решёток выходит в сад. Подхожу к кристально-чистым стёклам и смотрю на прекрасный вид, на роскошные кроваво-красные розы, пышные и ухоженные, высаженные вокруг фонтана с драконом.

«У меня в саду тоже растут красные цветы, — в душе шевелится тоска, — багровые айланты, целебные и красивые. Райан как-то пошутил, что у меня все растения не только растут лучше, чем у соседей, но и всегда идут в дело».

Улыбаюсь, вспоминая мой чудесный сад вокруг небольшого уютного дома в Речноцвете с деревянным крыльцом и резными ставнями. Окна из наших с Райаном комнат выходили тоже на красные цветы, а ещё мы иногда завтракали на деревянной террасе в разноцветном буйстве цветущих растений. В доме всегда пахло диким мёдом из Вилантиса да травами, которые я часто сушила дома в специальной комнате, прежде чем сделать из них целебные зелья и отнести в лавку, которая стала моим вторым после Райна детищем в этом мире.

«Господи, как же хорошо и мирно мы жили, даже мои тревоги за оборот Райна ничто по сравнению со всем тем, что я пережила за последнюю неделю... Наверное, дом в Речноцвете скоро станет чьим-то чужим домом с садом», — грустно вздыхаю и собираю волосы в косу.

Я ведь давно думала о том, что сыну будет безопаснее в Аутене. Пока он был маленький и непонятно было, что он из чёрных драконов, жить в Речноцвете ещё можно было. Но теперь, когда у него на носу первый оборот, а наши страны не прекращают войну, оставаться особенно опасно. Ведь в столь юном возрасте мальчик не всегда сможет себя контролировать, и соседи неизбежно начнут замечать это и поймут, кто он.

Знающие люди мне сказали, что проявлений может быть много: золото в глазах, вспышки жара, чешуя, проступающая на коже в моменты сильных эмоций... Такого я допустить не могу, сын рождённый от арраноского врага в ожесточившемся от войн и лишений Дуране будет находиться в смертельной опасности. Моё дитя должно быть под защитой, посему, как бы я ни привыкла к уютному Речноцвету, но места для нас с ним там больше нет.

Да и в Аутене ему хорошо, мне кажется, там всем хорошо: нейтральная территория, аналог Кипра в моей прежней жизни, там не важно, чей ты сын — чёрного дракона или синего, а ещё чудесный климат и нет зимы. Райан пишет мне трогательные письма своим корявым детским почерком, с кляксами: «Мама, тут здорово!», «Мама, я подружился с Лилиан, она знает столько игр, хоть и девчонка», «Мама, я скучаю, приедешь на день Благоденствия?». Обычно плачу и улыбаюсь, читая его письма и разглядывая всенепременные рисунки, на которых сын старается изобразить всё интересное, что видит в новом дивном для него месте.

«Приеду, сыночек, обязательно. Насовсем», — пальцы спокойно и привычно двигаются, коса почти заплетена.

Мне всё равно, где жить, главное, чтобы моему мальчику было хорошо. К тому же, если говорить о родине... Я Дуран родным краем назвать не могу, наверное, потому что все связи с прошлой жизнью Леи у меня оборваны. Да не просто, а оттого, что люди на этой самой родине к Лее добры никогда не были. Особенно когда ей эта доброта ой как была нужна.

Вздыхаю, погружаясь в воспоминания о самом тёмном периоде жизни светлой и доброй Леи, и меня уносит в то, что творилось с ней восемь лет назад...

Они с Ширраном возвращались домой через поле, держась за руки. Лея всё ещё чувствовала его внутри себя и тихонько улыбалась отголоскам тепла в груди, нежности и лёгкой саднящей боли промеж ног. Боль была мелочью, доказательством того, что она познала любимого мужчину, стала женщиной, губы которой припухли от поцелуев, а сердце пело от затопившего его счастья.

— Я сейчас попрошу твоей руки у Лэрны, — сказал Ширран, сжимая её ладонь. — Скажу, что вернусь через месяц с дарами и посватаюсь, как положено.

— Она будет против, — Лея закусил губу. — Ты же знаешь, что для неё ты враг, так что готовься к буре...

— Я её уговорю, — он улыбнулся. — Это я умею, поверь!

Она верила всем сердцем. Как можно было не верить этим золотым глазам, этой улыбке, этим рукам, которые только что обжигали своим огнём?

Они подошли к дому.

«Дверь приоткрыта, как странно, мама ведь не любит когда в доме гуляет сквозняк», — нахмурилась Лея.

— Мама? — девушка толкнула дверь и замерла.

Мать сидела за столом, уронив голову на руки, тонкие плечи сотрясались от рыданий. На столе лежал смятый листок. Лея подошла ближе и обмерла, увидев имперскую военную печать.

— Мама, что случилось?

Лэрна подняла голову, опухшее красное лицо и взглянула глазами, полными горя.

— Отец, — просипела она, — Моррас не вернётся к нам. Чёрные ублюдки убили...

Мир покачнулся, Лея схватилась за дверной косяк.

— Как... Нет... Не может...

Мать перевела взгляд на Ширрана, и лицо её исказилось.

— Ты! — она вскочила, опрокидывая стул. — Вон из моего дома, падаль! Не надо было тебе, Лея, его выхаживать да привечать!

— Госпожа Лэрна, я... — Ширран выставил руки в защитном жесте, среагировал мгновенно, как воин.

— Убирайся! — мать схватила кочергу. — Чтобы ноги твоей тут не было, или я натравлю на тебя всю деревню, паскуда чёрная!

Ширран отступил к двери. Лея бросилась за ним, выбежала на крыльцо, прикрыла дверь за спиной.

— Ширран, прости, она... — по щекам текли горячие слёзы, в груди было больно.

— Я понимаю, — он взял её руки в свои, поцеловал ладони. — Мне жаль, что с твоим отцом так вышло. Надеюсь, это не повлияет на наши с тобой чувства?

— Нет, я всё так же люблю тебя. Просто... мне сейчас сложно, — и Лея уткнулась в широкую грудь и разрыдалась. — Отец, отец, — бормотала она сквозь рыдания.

Ширран успокаивающе гладил её по волосам, и от этих простых тёплых прикосновений Лее стало немного легче.

— Лея! Где тебя носит? Ушла с чёрной мразью? — донёсся до них окрик.

— Не гневи мать, — прошептал Ширран. — Приходи ночью на наше место, буду ждать тебя, — и он ушёл, оглянувшись напоследок.

Мать с безумными красными от слёз глазами выскочила на крыльцо и громко, на всю улицу, кричала ему вслед проклятия и ругательства, которых Лея никогда раньше от неё не слышала.

— Мама, мама... успокойся, — она взяла рыдающую Лэрну под руку, отвела в дом и заварила успокаивающей баюн-травы для них обеих.

Вечером, когда мать наконец уснула, проплакав весь остаток дня, Лея выскользнула из дома и поспешила на то самое место, где несколько часов назад они с Ширраном любили друг друга.

— Поедем со мной, — сказал он обняв её, — немедленно, я не хочу оставлять тебя здесь, увезу в Арранос, там ты станешь моей женой и я смогу защи...

— Нет, — Лея покачала головой. — Не сейчас, любимый, не когда матери плохо. Она только что потеряла мужа, я не могу её бросить.

— Лея...

— Приезжай через месяц и сватайся, как обещал, горе поутихнет, а я уговорю её, может, даже заберём её с нами, ни к чему ей тут одной оставаться, особенно, когда я выйду за тебя замуж и пойдут толки. Она всё поймёт, она ведь тоже любила отца без памяти. Нужно немного подождать, тогда и уеду с тобой, а сейчас не могу. Ты ведь тоже не оставил бы свою мать вот так?

Дракон вздохнул и кивнул, будто нехотя:

— Не оставил бы, нет.

— И я не оставляю, единственная я у неё осталась, а с тобой у нас впереди вся жизнь, что нам какой-то месяц? — и Лея доверчиво поцеловала возлюбленного в заросшую жёсткой чёрной щетиной щеку.

Ширран прижал её ближе, обнял крепко, вдохнул глубоко, будто хотел унести с собой запах любимой и прошептал:

— Хорошо, пусть будет так. Через месяц я вернусь за тобой, клянусь!

Потом они поцеловались на прощание, и было что-то отчаянное в этом долгом поцелуе.

— Прощай, любимая, — и чёрный арраноский дракон ушёл в ночь, унося с собой частичку сердца юной Леи.

Она смотрела ему вслед, пока тьма не поглотила его силуэт, а сердце так и рвалось вслед за ним.

— Ничего, — тихо произнесла она и прикоснулась к губам, на которых ещё горел поцелуй Ширрана, — скоро мы будем вместе как муж и жена, — развернулась и пошла домой, где тревожно разметавшись на вдовьем ложе спала мать.

Прошёл месяц, справили похороны, за ними седмицу, приближался уж сорокодень, а Ширрана всё не было. «Ничего, он, наверное, в пути», — Лея тревожилась, но виду не подавала.

Прошёл второй месяц, справили сорокодень, вой старух стоял на все Серебряные реки, мать сначала рыдала, потом сидела с безучастным лицом и казалось повредила умом. Лея взяла на себя все хлопоты по дому, старалась изо всех сил, каждый день выглядывала в окно, бегала за околицу, проверяла, не едет ли её Ширран. Ширран не ехал. На исходе второго месяца девушка наконец вспомнила то, что должна была заметить раньше: кровей не было давно.

«Неужели...» — она приложила руки к плоскому животу пытаясь понять, понесла ли после того единственного раза, или у неё женская хворь. В груди тлела уверенность, что понесла.

«Он скоро приедет», — твердила она себе каждое утро вставая с кровати и каждый вечер засыпая, да и вообще каждый миг, что бы ни делала. Образ черноволосого красавца так и следовал за ней. Но то был лишь образ, а живого настоящего Ширрана всё не было, и всё, что ей оставалось, — затаиться, скрывать своё положение как можно дольше и ждать.

Каждый день в одночасье повзрослевшая Лея выходила на дорогу, всматривалась вдаль, каждую ночь прислушивалась, затаив дыхание, ждала что вот-вот раздастся стук в окно.

Не раздавался.

А на исходе четвёртого месяца мать заметила округлившийся живот.

— Потаскуха! — пощёчина обожгла щеку.

Лея отшатнулась, прижалась к стене:

— Мама, я...

— Гулящая девка! — мать наступала с перекошенным от ярости лицом. — Я тебя спрашивала, блюдёшь ли ты честь! Говорила же, нечего смотреть на этого чёрного ублюдка!

— Он не такой! Мы любим друг друга, Ширран обещал...

— Обещал?! — мать истерично расхохоталась. — Обещал, говоришь?! Где он со своими обещаниями? Что-то не вижу я ни даров, ни сватов, а уж четыре месяца, прошло, как я спровадила его восвояси, Лея! Четыре месяца я вижу, как ты ходишь и выглядываешь его!

— Мама, — тихо и жалобно сказала Лея, которой не давала покоя тяжесть в груди и мысль о том, что Ширран разлюбил её, или, куда хуже, что с ним что-то случилось.

— Что — мама? Мало мне несчастий, ещё и единственная дочь оказалась распутницей, на всю деревню теперь ославимся!

Лея молчала. Сказать было нечего.

— Сошлю тебя куда подальше, — мать отвернулась, схватила за голову. — Грех-то какой! И от кого! На тебя сын Эвертов посматривал, надо было ещё весной поднажать, его ребёнком сейчас брюхатая была бы. Ох, какая партия хорошая была! А теперь ты порченная, ещё и с приплодом от врага! И ведь не извести уже приплод-то, вижу срок для этого вышел... — она обернулась, и в глазах была такая ненависть, что Лея отшатнулась:

— Не говори так, это моё дитя, я не позво...

— Буду говорить что пожелаю, я в своём доме! А твой отец в могиле из-за таких, как твой... полюбовник. Надо же, моя дочь и ноги раздвинула перед чёрной тварью. Позор! Позор на мою голову!

Следующие месяцы оказались сущим адом.

Вскоре по деревне поползли слухи. Кто-то что-то услышал, кто-то приметил округлившийся живот. Словоохотливые кумушки вспомнили слухи о чёрном драконе, которого она выхаживала. В Лею стали тыкать пальцем и отворачиваться при встрече. А ясным зимним днём тот самый завидный жених, сын Эвертов здоровенный детина Пейран масляно посмотрел на неё и сказал:

— Ух и сладкая ты блудница! Знал бы, что ты драконья подстилка, пришёл бы к тебе ночью, пока не сильно брюхатая была... Ничего, родишь, стану захаживать, ценой-то не обижу...

Ей стало так мерзко, что больше из дома выйти не осмеливалась.

А потом мать тяжело заболела могильной хворью, болезнь развивалась так стремительно, что Лэрна, и без того ослабленная потерей мужа, угорела почти в одночасье, начала кашлять кровью и хрипеть. Лея делала всё, что могла, варила отвары, ставила компрессы, шептала известные ей заговоры, но всё было тщетно, её слабенький дар не справлялся.

Мать умерла на исходе восьмого месяца беременности, так и не простив дочь.

«Вот и осталась я сиротой, без чести, без кормильца и на сносях, — горько думала Лея стоя у свежей могилы, — что может быть хуже?»

Хуже стало в тот же вечер, потому что загорелся амбар с зерном, а деревенские недолго думая обвинили Лею.

— Ведьма! — кричали мужики, понукаемые сварливыми жёнами и размахивали вилами и кольями. — Колдовка! Сначала дракона чёрного привечала, потом мать свела в могилу, теперь весь урожай сожгла!

Толпа пришла поздней ночью, наступала на дом, но по счастливой случайности Лея вышла в амбар отрезать кусок окорока на утро, когда они пришли. Чувствуя себя загнанным зайцем, она сложила в мешок мясо и бежала в зимний лес, петляла между деревьями, пряталась в оврагах, а где-то далеко лаяли собаки и кричали люди. Потом крики стихли, собаки потеряли

след, а Лее не оставалось ничего, кроме как уйти в глубь леса, возвращаться в деревню было опасно.

Она слышала, что за болотными грязями близ медвежьих проталин, на расстоянии трёх дней пути в сторону Речноцвета есть одна избушка, и решила пойти туда, другого выхода не было. Лее повезло, что погода стояла необычайно тёплая для этого времени года, и она шла, шла, шла. В дороге ела оранжевые ягоды кислянки да прихваченное из амбара мясо, пила из ручья, спала под корнями деревьев. На второй день ноги распухли так, что идти она могла с трудом, живот тянуло, в глазах темнело от слабости. «Не умру, дойду, — думала она и упорно переставляла ноги, — я не одна, не должно мне опускать руки, ребёнок вот-вот родится».

На третий день, сама не своя от усталости и болей в животе она вышла к маленькой избушке на краю болота. Лея едва не закричала от радости, а потом на порог вышла старуха, сгорбленная и седая, с цепким взглядом из-под кустистых бровей.

— Ну здравствуй, девонька, — сказала она скрипучим голосом. — Эка ты холодная да грязная. Входи в дом, изгнанница, нечего мёрзнуть тут.

Лея вошла в дом, не чувствуя пальцев на замёрзших ногах, и по щекам потекли горячие слёзы облегчения...

Стук в дверь обрывает горькие воспоминания.

— Госпожа лекарка, я принесла завтрак.

Служанка входит с подносом, и комната сразу же наполняется запахом свежей выпечки, фруктов и ароматного чая.

— Спасибо, — киваю рыжей. — Как тебя зовут?

— Мерена, госпожа, — она ставит поднос на стол, склоняет голову и выходит.

Ем медленно, смакуя каждый кусок. Вкусно и богато, тут даже свежие ягоды из Аутена, которые не всякому по карману. Богато живут Раштары, ничего не скажешь.

Кладу в рот сладкую агайлу и шурюсь от медового вкуса, пока в голове крутится вчерашний разговор. Зелье, которым пичкает Ширрана истинная, не даёт покоя, потому что от этой Далиры смердит тёмной магией так, что хочется зажать нос. Самое интересное в том, что, похоже, в доме, кроме меня, никто этого не почувствовал. Судя по тому, что говорил Ворген, Ширран и Далира частенько ездят по всяким светским приёмам, как, например, вчера, и, похоже, там тоже никто не замечает темноты в леди Раштар.

«У Ширрана пропал дракон, чудодейственная близость истинной его не исцелила и при этом эта же истинная поит его каким-то зельем. Совпадение или...» — служанка возвращается, чтобы забрать поднос, и я решаю тихонько разведать обстановку в доме.

— Мерена, — говорю небрежно, — а каков он, ваш хозяин?

— Лорд Раштар? — её лицо светлеет. — Хороший, госпожа, справедливый. Никогда слуг не обижает, неприхотлив, платит щедро. Говорят, сильный дракон, и в бою страшен, а с нами в обычной жизни добр.

— А хозяйка?

По лицу служанки едва заметно пробегает тень, она отводит глаза.

— Госпожа Далира... сурова и требовательна, ей лучше не перечить.

«Понятно, — думаю. — Её тут побаиваются».

— Спасибо, Мерена, очень вкусная еда. Можешь идти.

Девушка уходит, а я смотрю в окно на красные розы и думаю: «С Далирой лучше не сталкиваться, в принципе, мне с ней дела иметь и не нужно, вылечу Ширрана и уеду к сыну. Только вот нужно как-то разведать, что за зелье она даёт Ширрану, а ещё... — прислушиваюсь к нехорошему, гадкому ощущению внутри, — проверить, что там происходит на кухне в этом странном доме. Нужно исключить вариант того, что кто-то подсыпает Ширрану в еду особые травы. Ничего, у меня на них чутье, если они есть, быстро обнаружу».

Уверенный стук каблуков за дверью отвлекает меня от детективных рассуждений в духе мисс Марпл.

Дверь тихонько скрипит и открывается. В комнату входит Далира, и в нос снова бьёт тяжёлый, еле уловимый могильный душок тёмной магии. Я так и чую ещё какой-то запах под слоем дорогих духов, но пока не могу понять, что за трава так пахнет.

Тем временем Далира по-хозяйски закрывает дверь и поворачивается ко мне, пристально изучая тёмными бархатными, как у лани, глазами:

— Ну здравствуй, бывшая любовница моего истинного...

Глава 8. Тёмная госпожа

Лея

— Ну, здравствуй, бывшая любовница моего истинного.

Слова рассекают тишину комнаты, подобно звонким ударам хлыста, звенят ледяным холодом в мелодичном голосе красавицы. Далира стоит у закрытой двери, и от неё снова тянет тем самым сладким и одновременно тяжёлым запахом с еле уловимой нотой могильной гнили.

«Спокойно, Света, не показывай, что что-то почувствовала».

Склоняю голову в вежливом поклоне:

— Здравствуйте, госпожа Раштар.

Она делает несколько шагов в глубь комнаты, оглядывает обстановку так, будто проверяет, всё ли на месте. Алое вызывающее платье струится по полу, рубины в ушах ловят солнечный свет.

«Красивая и опасная», — вот какие слова приходят в голову при одном взгляде на жену Ширрана.

— Значит, это ты, — Далира останавливается у окна, скрещивает руки на груди. — Та самая крестьянка, которая когда-то спасла моего мужа.

— Да, госпожа, я лечила лорда Раштара много лет назад.

— Лечила, — она усмехается, и в этой усмешке — яд. — И не только лечила, как я понимаю?

Молчу. Что тут скажешь, если и так всё известно?

Далира поворачивается ко мне, тёмные глаза изучают моё лицо. Я чувствую её взгляд почти физически, снова, как и при первой встрече, кажется, что невидимые пальцы ощупывают моё лицо, шею, руки.

«Магия? Или просто женская интуиция чувствует хищницу?» — смиренно улыбаюсь и взглядываю на неё, изображаю простушку.

Далира не отводит взгляда, не скрывает интереса, да и к чему: по документам я всё ещё собственность её мужа, а значит, и её.

«Она меня прощупывает и не думает останавливаться, и не допускает мысли, что я что-то такое чувствую, — понимаю, ощущая, как вдоль позвоночника пробегает холодок. — Привыкла, что сильна, пытается понять, насколько я опасна».

Только вот меня мало кто чувствует, сколько уж я на ярмарках поперебывала, ни разу ни одна ведьма, ни один торговец не поняли, что во мне есть хоть какой-то дар. Для всех я обычно так, мелкая слабая целительница. Возможно, в этом доме мне это на руку, от такой, как Далира, добра не жди.

И я принимаю решение.

— Госпожа, — говорю робко, опуская глаза, притворяясь той, кем была Лея, но не я, — я простая лекарка из Дурана. То, что было между мной и лордом Раштаром... давно прошло. Я была глупой девчонкой, возомнившей невесть что, впервые встретившей иноземца, ещё и дракона. В юном возрасте теряешь от такого голову, это часто случается.

— Случается, — повторяет Далира, и в голосе звучит насмешка. — И ты, конечно, давно всё забыла?

— Сколько лет уж прошло, госпожа, — пожимаю плечами, — сколько воды утекло.

Я говорю почти правду, ведь мне, Свете, в принципе не было особого дела до Ширрана все эти годы. Единственный контекст, в котором я его вспоминала, был оборот моего сына да новая сила внутри, которую, по словам Фарины, пробудило во мне дитя дракона. Именно поэтому для меня самой стала странной реакция моего тела и сила чужих чувств в груди, едва я повстречалась с бывшей любовью Леи.

— Ну-ну, — вздыхает красавица с явным недоверием.

— У меня своя жизнь была, — искренне улыбаюсь, вспоминая годы в Речноцвете, — лавка, работа, дом...

«Сын», — добавляю мысленно, но вслух не произношу. Об этом никому в этом доме знать не нужно.

Далира подходит ближе, в носу смердит от запаха тьмы. Внутри всё сжимается от желания отступить, но я стою на месте. Деревенская простушка не почувствует тёмную магию, глупышка из Дурана ничего не заподозрит. Куда ей...

— Знаешь, — голос Далиры становится мягче, почти доверительным, — когда мы познакомились с Ширраном, он хотел жениться на тебе. Так и сказал после нашей первой близости, что я встретила его в тот день, когда он купил кольцо для той, кто спас ему жизнь.

Я вздыхаю, в сердце против воли расплзается горечь сожаления.

— Ходили слухи, что он был влюблён в какую-то иноземную крестьянку, — в медовом голосе сквозит лёгкая издёвка, — теперь я вижу, слухи были правдивы, мой истинный и вправду был влюблён в деревенскую девушку.

Она произносит «в деревенскую девушку» так, как говорят «грязь под ногтями». Впрочем, меня этим не проймёшь, Светка из Бобровки никогда не забывала о своих корнях и, даже купив не одну квартиру в Златоглавой, осталась простой деревенской девчонкой, которая с девяти лет пасла коров в поле каждое лето.

— Но ты сама понимаешь, — Далира чуть улыбается, — я его истинная. То, что соединило нас, когда мы встретились... это невозможно описать словами – великая магия крови, магия дракона. Я ведь ведьма, не думала, что стану истинной дракона, а оно вон как вышло и против этого не пойдёшь.

— Да, госпожа, — киваю покорно. — Я всё понимаю.

«Только вот интересно, — думаю я, сохраняя на лице выражение кроткой овечки, — что же твой муж не исцеляется подле истинной? Говорят, близость истинной пары творит чудеса. А Ширран всё без дракона...»

— Ты хорошая лекарка? — Далира меняет тему, и в голосе появляется что-то новое. Видно, не смогла прощупать меня до конца.

— Неплохая, госпожа, наставница меня многому научила до того, как умерла. Но всё же умерла слишком рано, много знаний унесла с собой.

— Жаль, — говорит Далира так, что понятно: ей ни капли не жаль. — Надеюсь, ты и вправду сможешь помочь моему мужу. Он так страдает без своего дракона...

Она делает вид, что вот-вот заплачет, но меня такими номерами не проведёшь.

— Я буду стараться изо всех сил... Но я не самая сильная знахарка... — продолжаю разыгрывать свою карту.

— Старайся, и не лги! А если я почувствую, что ты обманываешь, — голос Далиры падает до шёпота, — если ты просто хочешь вернуть его внимание, разбередить старые раны... Я узнаю. И тебе не понравятся последствия.

Сердце колотится, но я заставляю себя смотреть ей в тёмные абсолютно холодные глаза.

— Госпожа, — говорю тихо, — мне ничего не нужно от лорда Раштара, кроме свободы и возможности вернуться домой. Я постараюсь вылечить его, после уеду. Клянусь.

«Однако мне очень интересно, почему от тебя смердит тёмной магией, что за зелье ты даёшь мужу каждый день и почему разыгрываешь передо мной спектакль? Сдаётся мне, совсем тебе не хочется, чтобы драгоценный истинный излечился».

Далира улыбается, но совсем неискренне, одними губами:

— Хорошо. Я рада, что мы поняли друг друга.

Она отворачивается к окну, и я позволяю себе тихо выдохнуть.

— Кстати, — Далира говорит как бы между прочим, разглядывая сад, — я знаю, что такое ждать Ширрана. Сколько походов у него было, а я сидела у окна и ждала... Переживала, плакала. Мы ведь даже дитя не народили, всё не было подходящего момента, сначала он всё воевал, потом с его драконом беда случилась... Если знаешь какое зелье, может, что-то особенное, Дуранское, то сделай, может, получится у Ширрана дать мне благое семя. У меня в роду все женщины плодovиты, мать четверых детей народила, у сестёр по трое уж...

«Ждёте подходящего момента? Ширрана винишь?» — вопит внутренний голос.

У драконов с этим обычно нет проблем, особенно у истинных пар. Фарина рассказывала: истинные беременеют почти сразу, в первый год, это часть магии связи. А у Ширрана и Далиры за годы брака — ни одного ребёнка, и, похоже, тёмная госпожа готова на всё, лишь бы получить наследника. Конечно, положение её не прочно без дитя, даже если она истинная. Что мешает дракону взять наложницу? Ничего, кроме порядочности и любви.

«Порядочности и любви! — горько усмехаюсь. — У Ширрана могут быть дети, Лея забеременела с первого раза, одного-единственного раза хватило... Ох, нечисто тут дело. Очень нечисто».

— Постараюсь, госпожа, ежели знаний моих хватит, я ведь всего лишь недоучка из маленькой деревеньки.

Далира оборачивается, и на мгновение мне кажется, что она видит меня насквозь, но потом выражение её лица разглаживается.

— Главное — постарайся, а уж получится или нет, на всё воля Великого Дракона, — она идёт к двери. — Занимайся своим делом, лекарка. И помни: я слежу за тобой.

Дверь распахивается прежде, чем Далира успевает до неё дотронуться.

На пороге стоит Ширран, тёмные глаза сужены, брови сдвинуты.

— Что здесь происходит? — голос жёсткий, требовательный. — За кем ты следишь?

Далира преображается в мгновение ока. Плечи опускаются, губы складываются в мягкую улыбку, и вот передо мной уже не хищница, а любящая, заботливая жена.

— Милый, — она касается его руки, — зашла познакомиться поближе с твоей новой лекаркой. Выразить своё почтение, сказать, что надеюсь на неё.

Ширран переводит взгляд на меня, глаза смотрят настороженно.

— Госпожа Далира была так любезна, — киваю я, сохраняя на лице выражение благодарной простушки. — Так переживает о вашем здоровье, лорд Раштар.

Далира бросает на меня быстрый взгляд, полный предостережения, мол, не смей говорить больше ничего, а дракон без дракона смотрит, кивает, но настороженность в глазах не исчезает.

Далира скользит к нему, берёт под руку:

— Пойдём, милый, не будем мешать лекарке...

— Ты иди, Далира, займись домашними делами, там цветочница твоя в дверях, а я пришёл к Лее по делу, — Ширран не двигается с места. — Лея, как мы и договорились вчера, настало время подписать твою вольную.

Далира замирает. Улыбка на её лице на долю секунды застывает, превращаясь в злобный оскал, но дамочка быстро надевает маску покорной любящей жены:

— Конечно, — говорит она ровно. — Конечно, милый, делай что должно, как и я.

— Пройдём в кабинет, Лея, — Ширран переводит взгляд на меня, — поверенный уже приехал. Оформим всё как положено.

Что-то подсказывает мне, что Далира в ярости, но держится, не показывает. Гадюка спокойно и с достоинством разворачивается и уходит. Гнилостный могильный запах тут же рассеивается, из груди уходит тяжесть и даже дышать теперь легче.

«Сразу подпишем и соглашение, — думаю я, глядя на удаляющуюся Далиру. — С такой тёмной госпожой в доме ни в чём нельзя быть уверенной. Кто знает, что будет завтра?»

Мои дорогие! Приглашаю вас в свою историю.

Ссылная жена дракона (18+)

<https://litnet.com/shrt/8Hin>

Муж-дракон обвиняет жену в покушении?

Отправляет юную травницу в опасные земли?

Наша попаданка справится!

В конце-концов, вторая молодость бывает только раз!

Глава 9. Свободная

Лея

Гарванш окрашен утренним золотом, и я невольно щурюсь, выходя из богатого дома. Замной следует молчаливый и слегка настороженный Парсон, явно ошеломлённый моим стремительным взлётом по карьерной лестнице в доме грозного дракона.

— Лорд Раштар велел не спускать с вас глаз, госпожа лекарка, — он притворил за нами дверь. — Сказал, вы особенно ценны для него, нужно охранять вас как зеницу ока, показывать город, сопровождать куда скажете.

От меня не укрывается брошенный искоса взгляд, странные нотки в голосе. «Ну-ну, госпожа лекарка, — усмехаюсь про себя. — Ты явно гадаешь, твой лорд купился на прелести дуранской девки, ещё два дня назад вошедшей в этот дом в тяжёлом ошейнике, или я действительно такая хорошая лекарка...»

Представляю, как бесится Далира, и чувствую невольное злорадство.

«Как быстро всё меняется, — сажусь в запряжённую двуколку, — ещё вчера утром я была рабыней с железкой на шее, а сегодня еду по городу свободной женщиной с охраной и кошельком золотых монет на поясе. Из невольничьих атрибутов остался только Парсон, который конечно же называется моим охранником и следит за безопасностью, но на деле, думаю, ещё приглядывает, чтобы я не улинула».

Лошади трогаются, а я разглядываю мощёные песочно-золотистым камнем улицы и вспоминаю вчерашний день.

После разговора, больше похожего на прошупывание противника, госпожа Змея (именно так я называю Далиру про себя) уползла недовольно шипеть в свои владения, а мы с Ширраном прошли в его кабинет. Там, стоя у тяжёлого дубового стола, нас уже поджидал пожилой поверенный в чёрной мантии с серебряной застёжкой.

— Приступим, господин Лонц, — по-военному коротко отдал приказ лорд.

Поверенный вежливо кашлянул:

— Текст стандартный... Я, Ширран Раштар, сын Райвина Раштара и Агнесс, урождённой Бирмен, настоящим документом освобождаю невольницу Лею, урождённую Кэрн, невольницу из Дурана от всех обязательств рабства и возвращаю ей статус свободной женщины...

Старик Лонц читал монотонно, но каждое слово падало в мою душу, как капля целебного бальзама. Ширран стоял у окна, скрестив руки на груди, и смотрел на меня тёмными непроницаемыми глазами. На мгновение показалось, что он даже облегчённо вздохнул, будто скинул тяжкий груз и теперь может дышать легко.

«Неужто тебя тяготило чувство вины, дракон?» — я посмотрела на него из-под опущенных ресниц, ощутив странный укол в сердце.

— ...со всеми правами и привилегиями, полагающимися свободному человеку Империи Арранос. — поверенный закончил сурово и торжественно одновременно и уважительно обратился к Ширрану: — На этом всё, стандартная вольная. Подпишите здесь, милорд.

С замиранием сердца проследила, как драконий лорд поставил подпись, а затем приняла зачарованное перо из его рук. Перо скрипнуло по пергаменту, и под размашистой уверенной подписью появилась моя — аккуратная и ровная.

— Теперь заключим соглашение, — сказал Ширран, кивая поверенному.

Второй пергамент лёг на стол. Я пробежала глазами по строчкам: оплата моих услуг — сумма, от которой у деревенской лекарки закружилась бы голова и которая даже для хозяйки преуспевающей лавки в Речноцвете была приличной, плюс полное содержание на время лечения. И главное, то, ради чего я пошла на всё: «...лорд Раштар обязуется обеспечить госпоже Лее безопасное сопровождение в любое место по её выбору после завершения лечения».

— Куда ты хочешь поехать? — спросил Ширран. — Обратно в Речноцвет?

Я помедлила: «Наверное, Речноцвет, прежде чем плыть в Аутен, нужно будет продать дом, лавку... Но кто знает, как обернётся, мне ещё нужно написать письмо своему стряпчему, может быть, он продаст всё по хорошей цене... Тогда можно сразу к Райану, да и безопаснее... Но Ширран не должен ничего знать про сына».

— Я скажу позже, — ответила мягко. — Когда всё будет закончено. Перо снова скрипнуло, свободная женщина Лея Кэрн поставила подпись на соглашении с лордом Ширраном Раштаром.

Он кивнул, не настаивая.

Поверенный собрал пергаменты, поклонился и вышел, тихо прикрыв за собой дверь, оставляя меня уже не рабыней, а обычной иноземкой под защитой лорда Раштара с контрактом, сулящим немалые деньги и возможность оказаться как можно дальше от Арраноса и войны, как только я сделаю что должно.

«Во что бы то ни стало вылечу тебя и поеду к сыну! — чувствую, как меня переполняют радость и решимость одновременно. — Надо сегодня же написать Райану письмо».

Ширран стоял у окна, спиной ко мне, и молчал. Солнечный свет очерчивал его силуэт воина с широкими плечами, прямой спиной, тёмными волосами.

— Поздравляю, — сказал он наконец, не оборачиваясь. — Ты теперь свободная женщина. Мой долг отдан.

Помолчал и добавил тише:

— Прости, что так... запоздало. И странно.

«Всё между нами странно, — подумала я, глядя на его напряжённую спину. — Думаешь, что я страдала, а сам подарил мне дитя после смерти и четырёх ЭКО. Пусть ты принёс Лее страдания, но Райан... сын — самое ценное, что у меня есть. Твой долг той, кто любила тебя, уплачен, а та, кто оказалась в её теле, выгрызет для себя всё, что нужно. Я не наивная девочка-крестьянка и умею добиваться того, чего хочу».

— Я надеюсь, — сказала бесстрастно, не показывая своих мыслей, — что ты будешь соблюдать договорённости.

— Буду, — он обернулся, и в глазах мелькнуло что-то похожее на боль. — Слово Раштара.

— Хорошо, — кивнула я. — Я тебе поверю, не обмани в этот раз.

Ширран кивнул, а я продолжила:

— Коль ты доверился мне и решил, что я твоя лекарка... я бы хотела осмотреть тебя. Прямо сейчас.

Он приподнял бровь:

— Что, прямо здесь?

— Могу и здесь, — усмехнулась, — я за эти годы где только не принимала: и в погребке, и в сарае, и посреди ярмарки и даже в лесу путника перевязывала, поверь мне, когда у тебя нет спирта, обезбо... живой мази и нормального света, приходится нелегко.

Он едва заметно улыбнулся.

— К тому же у тебя не физический недуг, мне нужно лишь магическое зрение и тишина. Садись.

Ширран слегка напрягся, но послушно сел в кресло. Я подошла ближе, и едва вдохнула его запах, чуть не утонула в старых воспоминаниях, в которых этот запах слился с моим в высоких полевых травах...

«Соберись, Света!» — я взяла его руку, большую, тёплую, слегка грубоватую с мозолями на подушечках от меча. Пальцы дрогнули под моими, но он не отстранился. Я же закрыла глаза, расслабилась и позволила магическому зрению включиться, сделала ровно так, как учила Фарина и сама обладающая редким даром.

«Когда нужно въедливо и подробно осмотреть тяжёлого больного, суета ни к чему, нужно действовать медленно, осторожно, будто открываешь дверь в тёмную комнату и потихоньку привыкаешь», — зазвучал в голове чуть надтреснутый голос наставницы.

Я так и сделала, а потом... заглянула внутрь.

Сначала не увидела ничего, только темноту. «Ничего, скоро всё прояснится», — я терпеливо вглядывалась и вглядывалась, ждала, когда зрение светлой целительницы привыкнет, а потом... увидела и почувствовала.

То была не темнота, нет. Изнутри Ширран весь был покрыт чёрной паутиной: тонкие нити оплетали его изнутри — от сердца до кончиков пальцев, от макушки до пят, будто кто-то «заботливо», стежок за стежком, укутал его в магический тёмный саван из тьмы. Внутри вспыхнула уверенность, что именно он сковал его магию, закрыл дракона и обесточил магические каналы, которых у драконов в избытке. Я попыталась исследовать паутину послала слабый импульс исцеляющей магии, но... темнота тут же оттолкнула мою магию, ударила в ответ больно и ожесточённо, и я отшатнулась, разрывая контакт.

Зрение погасло, а в ноздрах так и стоял въедливый гнилостный запах. Я часто-часто заморгала, оказавшись в здесь и сейчас, а когда мои человеческие глаза привыкли к дневному свету, то тут же встретились со взглядом Ширрана.

Бывший дракон смотрел с надеждой, в которой я увидела глубокую, затаённую боль. Сердце сжалось, я почувствовала, как он страдает без силы, как готов на всё, лишь бы снова обрести своего зверя. Невольно вспомнила, каким он был годы назад, даже раненый и бескровный боролся, пылал сильным, горячим огнём. А сейчас... Сейчас он тоже борется, но это скорее борьба человека, дракон слишком крепко спит под слоем липкой паутины.

— Что там? — спросил он хрипло.

— Мне нужно изучить местные травы, — улыбнулась я, пряча потрясение. — Поискать, подумать.

Он нахмурился, явно почувствовав недосказанность. Но я уже приняла решение: пока промолчу, не буду делать поспешных выводов и тем более говорить о своих подозрениях.

«Для начала нужно прощупать обстановку», — подсказал жизненный опыт.

— Скажи, Ширран, что за зелье тебе даёт Далира?

Он напрягся:

— Специальный отвар, чтобы мой недуг не был виден остальным.

— Я бы хотела взглянуть на него...

— Не смей! — голос стал жёстким, глаза сверкнули. — Даже не думай подозревать в чём-то мою истинную! Она денно и ночно заботится обо мне, переживает о моём драконе, пытается помочь, приводит лекарей, ищет средства...

— Я и не подозреваю Далиру, — я улыбнулась как можно мягче.

«Понятно, с этой стороны зайти не получится, мадам Змея у нас неприкосновенна».

— Просто хочу взглянуть на состав... чтобы знать, не повредят ли мои травы при соединении с её травами. Некоторые растения несовместимы, могут дать опасную реакцию. С чего бы мне в чём-то подозревать твою леди?

Ширран посмотрел на меня долгим испытующим взглядом, потом кивнул:

— Снадобье у неё. Я скажу, чтобы предоставила тебе.

«Представляю, какую бурю это вызовет», — подумала я, сохраняя спокойное выражение лица.

— Благодарю, лорд Ширран, — хоть и уязвлённая его доверием к возлюбленной, но всё же гордая крепкой выдержкой и тем, что решила для начала прощупать почву, я проследовала в свои покои.

Двуколка объезжает по кругу площадь с фонтанами и причудливыми деревьями разных форм, а я... чувствую, что улыбаюсь, потому что переносюсь мыслями во вчерашний вечер, когда спустилась к ужину.

Лицо Далиры было бесподобно, кажется, у неё даже опустилась челюсть, когда я вошла в столовую вслед за служанкой, которая специально пришла, чтобы проводить меня к ужину с семьёй Раштар. Я скромно улыбнулась и села за общий стол, прямо напротив леди Змеи.

— Лея теперь мой гость и мой лекарь, — сказал Ширран, отвечая на немой вопрос в глазах Далиры, которая, казалось, проглотила язык от удивления. — Она будет ужинать с нами.

Дамочка быстро пришла в себя и улыбнулась, хотя, готова поспорить, что мысленно она вонзила в меня нож, который держала в руке.

— Конечно, милый, как скажешь, — она опустила глаза.

Но я-то видела, как сжались её пальцы на рукоятке, ножа, как дёрнулась жилка на виске. «Надо отдать должное, владеешь ты собой прекрасно, хотя... чего ещё можно ждать от женщины, которая явно опаивает своего истинного?» — я взяла нож, вилку и с удовольствием приступила к нежнейшему мясу под трюфельным соусом.

Змея то и дело поглядывала на меня, как будто удивлялась, что я умею пользоваться столовыми приборами, видно не ждала такого от необразованной крестьянки из захудалой дуранской деревни. А когда я пригубила вкуснейшего красного вина, слегка покрутив перед этим бокал, она и вовсе опешила.

«Скрипи зубами, дорогая, — подумала я, спокойно отрезая кусок мяса. — Я на таких приёмах бывала, что где угодно, даже в другом мире сумею повести себя за столом».

— Далира, у тебя при себе снадобье? — спросил Ширран в конце ужина.

— Конечно, — улыбнулась жена, — как ты и велел, я взяла с собой флакончик для госпожи лекарки.

В её словах мне почудилась издёвка, но ни словом, ни жестом я этого не показала.

— Возьмите, госпожа лекарка, — и в мою руку лёг флакончик с жидкостью цвета ореха. — Также специально для вас я записала состав.

— Благодарю! — улыбнулась я, сделав вид, что не заметила издёвки в голосе.

«Уверена, что ты дала мне совсем не то зелье, что принимает Ширран», — подумала я, бережно пряча флакончик.

— Госпожа, мы приехали, — голос Парсона вырывает из воспоминаний. Я возвращаюсь в здесь и сейчас, и едва не ахаю, увидев перед собой огромный пёстрый рынок, пожалуй, самый большой из всех, что мне доводилось видеть.

Глава 10. Чёрный цветок

Лея

Рынок Гарванша открывается передо мной во всей красе — шумный, пёстрый, живой. Ряды лотков тянутся насколько хватает глаз: ткани и пряности, оружие и украшения, горы фруктов и связки сушёных трав. Торговцы зазывают покупателей, рабы катят повозки с товарами, а на скворчащей открытой жаровне шипит мясо, тут же стоят столы и едят люди, непотребные девки стоят в своём закутке, слепой играет на всенепременном вааркане.

Это второй рынок в Арраносе, на котором мне довелось побывать, и он, как и первый в Барлисе, совсем не похож на тихий рынок в Речноцвете, на торговые ряды в Староместе и даже на самый большой из всех рынков, где я бывала близ Меринаса, куда отправилась как-то за редкими семенами лавентиса.

Я иду по рядам и внимательно осматриваю прилавки, перехожу от вещевых к кожевенным, потом к ремесленным, наконец оказываюсь у ароматных травяных рядов. Захожу в каждую палатку, тщательно осматриваю ассортимент и понимаю, что здесь совсем не то, что мне нужно: ромашка, мята, кора дуба, сушёный чабрец — всё обычное для мелких стандартных проблем со здоровьем вроде несварения или головных болей, в Речноцвете такое можно купить на каждом углу.

— Где продают особенные травы? — спрашиваю у Парсона. — Магические.

Он чешет затылок:

— Так это вам в дальний конец надо, госпожа. Там лавки для... таких покупателей. Только место неприметное, не всякий найдёт.

— Веди.

Мы уходим дальше, вглубь, проходим мимо рядов со специями, сворачиваем в проулок. Рынок становится тише, народу меньше, переулки сужаются. Я расслабляюсь, многолюдье и рыночный гомон утомляют в любом мире, особенно когда на твои светлые волосы заглядываются торговцы, чувствуешь, с какой неприязнью поглядывают их жёны, стоящие рядом.

«Надо бы купить платок, — думаю я, — в платке буду менее приметна».

Наконец Парсон останавливается у невзрачной арки между двумя обшарпанными стенами.

— Вот здесь, госпожа лекарка. Дальше я лучше подожду: не моё это место, не по себе мне, простите.

— Ничего, — киваю и ныряю в полумрак.

Узкий проход петляет между древними стенами, пахнет сыростью, старым камнем и чем-то горьковатым, похожим на полынь, но чуть более терпким.

«Что это, камел или подрис?» — пытаюсь угадать, пока неспешно иду, вглядываюсь в подсвеченные магическими сферами прилавки.

По обе стороны от меня тянутся лавки со старыми низкими дверями и непонятными символами над ними. Глаза мои привыкли к полумраку, и, увидев в витрине одной из лавок мерцающий героцвет, я понимаю, почему здесь так темно: при дневном свете очень легко всучить неопытному покупателю подделку, покрытую специальным светящимся составом. Здесь же видна каждая прожилка, обмануть не выйдет.

Неспешно погружаюсь в другой мир, тихий, тайный, пахнувший магией, и мне понятно, почему Парсон остался у входа: обычному человеку в таких местах не по себе. Прохожу мимо лавки с кристаллами — они мерцают в полутьме, как глаза ночных зверей... Мимо старика, торгующего свитками с заклинаниями... Мимо женщины в чёрном, раскладывающей на прилавке что-то, похожее на кости.

Хочу остановиться и посмотреть на диковину, но... чувствую, как меня тянет и зовёт, не голосом, не запахом, а чем-то глубже, будто невидимая нить привязана к моей груди и тянет вперёд, в самый дальний угол этого лабиринта.

Иду на зов, не думая, не сомневаясь. Дар ведёт — я следую, это я усвоила, ещё когда Фарина учила меня собирать особую лунную траву в особый ночной час. «...чтобы срезать её, когда она особенно сильна, не потерять ни крупички», — поучала старая целительница.

Лавка, откуда идёт зов, стоит в самом конце переулочка. Она такая неприметная, что легко пройти мимо: низкая дверь, никакой вывески, только пучок сухих трав над притолокой.

«Тут есть что-то для меня», — чувствую спокойную могущественную силу и толкаю дверь.

Внутри всё как и в любой лавке: полки от пола до потолка, уставленные склянками, горшками, повсюду связки сухих трав, корни, похожие на скрюченные пальцы, в горшках магические цветы невиданных оттенков, семена в стеклянных сосудах.

У меня перехватывает дыхание: «Это не лавка — это сокровищница...»

— Здравствуй, гостья, — раздаётся скрипучий голос из темноты.

Из-за прилавка поднимается старик, высохший, как те травы, что он продаёт, с длинной седой бородой и глазами, которые, кажется, видят насквозь.

— И вам доброго дня, — говорю учтиво. — Я лекарка, ищу редкие растения.

— Вижу, — он чуть наклоняет голову, разглядывая меня. — Вижу, что лекарка. И вижу, что дар в тебе есть, хоть и прячешь ты его глубоко. Ну, да не зря я держу эту лавку более полувека, у меня свой дар, своё чутьё, а старого Фена все сведущие знают, вот и ты пришла. Смотри, может, найдёшь что нужно.

Начинаю обходить лавку. Пальцы сами тянутся к пучкам и горшкам с живой травой: живокост, кровохлёбка, полун-травя, арманис — всё нужное. Откладываю несколько пучков, довольно улыбаюсь, когда нахожу тенеискру — редкую траву, что мерцает рядом с тёмной магией. О ней я думала вчера перед сном, вспоминая уроки Фарины. Тоже откладываю.

И тут снова такой зов, почти крик, до того сильный и настойчивый. Поворачиваюсь и иду к самому тёмному углу, где на верхней полке, стоит небольшой горшок. В нём — растение, которого я никогда не видела: чёрные, почти антрацитовые листья с серебристыми прожилками и один-единственный цветок — тёмно-лиловый, с сердцевинкой цвета запёкшейся крови.

Меня тянет к нему так, что магия обжигает кончики пальцев.

— Что это? — спрашиваю, не отрывая взгляда.

Старик подходит, смотрит туда же.

— Чёрный дух, — говорит он тихо. — Редкость из редкостей, за полвека торговли седьмой раз вижу.

— Я такого не знаю, — признаюсь с глубоким любопытством. — Для чего он?

Старик хмыкает, почёсывает бороду:

— В умелых руках может и вред принести, и пользу. Одинаково... Смотри, кто пользуется и для чего.

— Какую пользу? — продолжаю смотреть на цветок как заворожённая.

— Если знать как, — он понижает голос, — то Чёрный дух может разбудить то, что спит, вернуть то, что потеряно.

— Ох! — не могу сдержать вздоха и думаю о том, что увидела внутри Ширрана.

— Но и отнять может, — продолжает старик, — если руки или помыслы не те. Это опасное растение, сильное и не каждому дастся. А редкое оно, потому что растёт в высокогорье, один росток в силу входит только спустя семь лет, цветок его недолго стоит, а как отцветёт — всё, почитай, сила ушла, уснул снова Чёрный дух.

«Вернуть то, что потеряно...» — продолжает колотиться сердце.

— А вы знаете как?

— Нет, — усмехается старик, — я не лекарь, не ведьмак, не маг, я просто вижу травы и умею их правильно хранить и выращивать. Такой у меня дар.

— Сколько? — внутри крепнет уверенность, что именно этот цветок мне и нужен, хоть я и не слыхала прежде такого названия. Конечно, да и откуда бы, те края, где жили Лея и Фарина, не были горными, не мог он там расти.

Старик называет цену, и я замираю.

«За эти деньги можно купить небольшой дом в Речноцвете, и не просто дом, а с садом, с хозяйственными постройками и погребом. Всё, что я нажила за семь лет, стоило меньше...»

— У меня нет с собой столько, — говорю честно.

— Ты всегда можешь вернуться, — старик пожимает плечами. — Он ещё неделю цвести будет. К тому же ты его почувствовала, позвал он тебя. Коль судьба — вернёшься.

Плачу за то, что отложила, и прячу покупки в сумку:

— Я ещё приду, — говорю у двери.

Старик кивает, будто и не сомневается.

— Кстати, — оборачиваюсь, — не знаете, где поблизости сдаётся место лекаря?

— Место лекаря? — он задумчиво чешет седую голову.

— Да, — вежливо улыбаюсь, — мне нужно делать отвары, соединять травы, у меня сложный больной.

— А-а, понятно, — старик кивает. — Напротив рынка, в Доме ремёсел, недавно помер старый лекарь Бурген. Сын его другим делом занимается, портреты рисует, как мать. Вполне возможно, что место пустует, спроси.

— Отлично! Благодарю, — выхожу в переулок. Чёрный дух остаётся на своей полке, и мне кажется, что лиловый цветок чуть поворачивается мне вслед.

Парсон ждёт у арки, переминаясь с ноги на ногу:

— Нашли что нужно, госпожа?

— Кое-что, — киваю шурясь. — Но не всё. Идём, мне нужно пройти в Дом ремёсел.

— Это напротив входа, — он ведёт меня по притихшим рядам.

Мы выходим на широкую площадь близ входа, мой проводник указывает на длинное каменное здание через площадь:

— Вот оно, а зачем вам туда, госпожа? В доме лорда Раштара полно комнат...

«Там и леди Змея», — думаю я, а вслух говорю:

— Запахи бывают резкие, да приборы нужны специальные. Не хочу тревожить никого в доме лорда и делать ненужные траты, может быть, получится снять место со всем инвентарём.

— Понятно, — Парсон кивает, явно считая меня какой-то чудачкой. — Пойдёмте.

И вот мы пересекаем площадь и входим в Дом ремёсел, идём по длинном коридору с дверями по обе стороны, за каждой — мастерская или лавка. Нахожу управляющего, узнаю про место покойного лекаря Бургена, и чуть ли не хлопаю в ладоши от радости: кабинет и правда пустует, сын не хочет возиться, рад сдать хоть кому.

Комнатка небольшая, но для моих целей подходит идеально: очаг, жаровня, полки, стол, склянки, ступка, даже пара котлов осталась от прежнего хозяина. С самым серьёзным лицом торгуюсь, но недолго: цена на мой взгляд и так хорошая. Подписываю договор и плачу за месяц вперёд из денег, что дал Ширран.

«Теперь у меня есть место, где можно работать без чужих глаз», — думаю с удовлетворением, когда выходим на улицу. Рынок напротив темнеет тихим серым пятном, солнце, такое яркое с утра, тоже решило заканчивать свой рабочий день и клонится к горизонту.

«Надо же, вот и день пролетел», — чувствую, как внутри бурлит неуёмная энергия, а ещё что голодна как волк. Сажусь в двуколку, Парсон берёт поводья и вопросительно смотрит на меня:

— Куда теперь, госпожа?

— Скажи, Парсон, где в городе библиотека? Мне нужны книги про магические растения.

— Так в академии, госпожа, самая большая библиотека, там, говорят, тысячи томов.

— Успеем туда? Далеко отсюда?

Он мнётся:

— Так туда допуск нужен, госпожа, не всякому войти можно, только магам да тем, кому разрешение выдали. А вы иноземка, вас и на порог не пустят.

— Понятно, — вздыхаю и снова думаю о платке, а ещё о том, что мне надо бы купить какое-то платье на смену купленному в Барлисе, которое исправно чистит служанка каждый день.

— Трогай, едем в дом Раштаров.

Двуколка катится по мощёным улицам, а я всё думаю о цветке с кровавой сердцевинкой, о том, что он может разбудить то, что спит.

«Почему он меня зовёт? Что в нём такого? В книгах должно быть описание. Найду — пойму».

Парсон правит двуколкой, насвистывая какой-то незатейливый мотив, а я всё думаю о цветке: «Чёрный дух. Тёмно-лиловый. Кровь в сердце...» Что-то внутри не даёт покоя, ощущение такое, будто знала, а забыла, силюсь, пытаюсь вспомнить.

И у меня получается, воспоминания переносят в прошлое, года на четыре назад. Вечер в избушке Фарины, маленький Райан спит за перегородкой, в очаге уютно потрескивает огонь, пахнет свежими травами, которые мы набрали сегодня в лесу, чтобы продать в базарный день в ближней деревне. Старуха перебирает корешки, я сижу рядом, вяжу травы в пучки и слушаю её истории, как всегда, раскрыв рот.

— Был у меня случай, — говорит Фарина, — давно, зим девять тому. Привели ко мне человека проклятого.

— Проклятого? — я никогда прежде не сталкивалась с сильной тёмной магией, которая, как говорили, вредит даже драконам.

— Агась, — старуха отложила в сторону негодный корешок. — Тьма в нём сидела, душила изнутри, никакие травы не брали. Думала уж, что не спасу, до того сильная была, всего опутала, чуяла я, что нити его жизни гаснут. Расстроилась сильно, всё думала-гадала, что бы сделать, как помочь. А потом вспомнила, что бабка моя, покойница, рассказывала про один цветок, что в горах растёт. Ноги у меня тогда крепче были, дошла до Синегорья, две седмицы шла, и сорвала там черноцвет. Только он и спас.

— А что это за черноцвет? — спросила я тогда. — Есть рисунок?

Фарина улыбнулась, покачала головой:

— Не могу, девонька, больно редкий цветок был, сыскать сложно было, и цветёт он всего месяц, потом бесполезный.

— А как выглядит? — местные растения для меня всегда представлялись диковинками, которые хотелось изучить, да и не даром: ни один цветок, ни одно растение в моём прежнем мире не обладало магией.

— Тёмно-лиловый он, почти чёрный, а в сердце у него будто кровь налита. Найти трудно, забрать ещё сложнее. А уж когда лечишь им, то и сама помереть можешь, ежели не знаешь как.

— А как ты им лечила? — спросила я, отрезая верёвку для очередного пучка.

— Того не скажу, — Фарина хитро прищурилась. — Больно сложно, да и не готова ты сейчас. Сама когда-нибудь узнаешь, коли судьба.

«Черноцвет... Чёрный дух... не одно и то же ли это? — преследует неотступная мысль. — Одно и то же растение может в разных странах называться по-разному... Мне бы пергаменты Фарины», — вспоминаю аккуратные записи наставницы, которая всё записывала, бережно хранила каждый рецепт, каждый случай.

Но всё осталось в Речноцвете в сундуке под кроватью.

Мы въезжаем во двор дома Раштаров, а я думаю, что обязательно попаду завтра в нужную мне библиотеку и найду всё, что только можно о дивном цветке с кровавым сердцем.

«Сама когда-нибудь узнаешь, коли судьба... — слова наставницы так и звучат в голове. — Он позвал меня, я чувствовала, значит, это судьба. И в запасе у меня всего неделя, чтобы разгадать его тайну!»

Я вхожу в дом и тут же иду разыскивать Ширрана, чтобы добиться пропуска в библиотеку академии.

Глава 11. Ночные открытия

Лея

Раштаров в доме нет, лорд Ширран и леди Далира, как поведала Мерена, уехали на приём.

— Подай мне, пожалуйста, ужин в комнату, — иду к себе чувствуя, как от голода сосёт желудок.

Ем и почти не чувствую вкуса, все мысли крутятся вокруг другого: «Нужно проверить кухню, вдруг зелье подмешивают в еду? Ширран ест то же, что и Далира, но если повар на её стороне...»

Впрочем, это маловероятно, слишком рискованно вовлекать прислугу в свои козни. Людям свойственно болтать, а уж челяди тем более, хлебом не корми — дай перемыть косточки хозяевам. Нет, Далира умнее, уверена, она даёт ему зелье лично, из рук в руки, как заботливая жена. Что уж там, я сама слышала, как она журила супруга за то, что тот забыл выпить его...

«Именно это я сейчас и проверю», — отдаю служанке поднос с пустыми тарелками и велю не беспокоить меня до утра. Закрываю дверь и раскладываю на столе покупки из лавки старого Фена. Маленький кустик тенеискры едва заметно мерцает в полутьме, мельчайшие искорки на тёмных листьях почти не видно. Красивая трава, полезная.

Достаю флакон, что дала мне Далира вчера за ужином, встряхиваю, подмечаю маслянистую консистенцию, густой ореховый цвет и подношу к кусту тенеискры. Посмотрим, правда ли это «снадобье для маскировки недуга», как она уверяет Ширрана. Секунда, две, три... Ничего. Ни единой искры, ни малейшего намёка на мерцание.

Усмехаюсь: «Ну конечно, кто бы сомневался... Далира не идиотка давать мне реальное зелье».

Тенеискра реагирует на тёмную магию. Если бы в этом флаконе была хоть капля липкой черноты, опутавшей бывшего дракона изнутри, то трава бы засветилась. А она молчит.

«А может быть, я зря думаю на неё? Всё же она истинная Ширрана, к чему ей слабый муж?» — открываю флакон и принимаюсь. Пахнет полун-травой, берёзой, улавливаю лёгкий запах горицы, всё безвредное и совсем, совсем не магическое и, конечно, таким недуг не замаскируешь. Скорее всего, леди Змея дала мне что-то другое, самый обыкновенный травяной отвар, безвредный и бесполезный.

Прячу флакон обратно и думаю, что если чета Раштаров не вернётся с приёма до момента моего обхода, то будет нелишним заглянуть с тенеискрой в их покои, если у Змеи есть запас зелья, то хранит она его подле себя, чтобы взять в любой момент.

Дом постепенно затихает, а я продолжаю вчерашнее письмо Райану, описываю красоты Гарванша, «в который меня позвали лечить одного высокопоставленного больного» — так я написала вчера не вдаваясь в подробности и умолчав о рабстве, аукционе и том, что вылечить мне предстоит его собственного отца. «Сыночек мой любимый, у меня всё хорошо. Скучаю по тебе очень-очень, как закончу лечение, обязательно сразу же поеду к тебе, обещаю. Целую, мама» — так я заканчиваю письмо, сдобренное щедрой порцией лжи во спасение.

«Завтра нужно будет ещё заехать на почту», — кладу в сумку исписанный пергамент. После составляю список того, что нужно докупить для своего временного кабинета лекаря.

Время пролетает быстро, оранжевая полная луна светит прямо в окно, я приоткрываю дверь и прислушиваюсь к звукам затихшего дома. Слуги разошлись по комнатам, в коридорах пусто и тихо.

«Подходящий момент», — беру тенеискру и тихонько выскальзываю из комнаты. Тени пляшут по стенам, ковры, как специально, не заглушают звуки, а громко шуршат, когда касаюсь

их ногами, и, как я ни стараюсь ступать тихо и аккуратно, кажется, что издаю слишком много шума.

«Не накручивая себя, успокойся», — уговариваю себя, пока крадусь в приглушённом свете магических сфер.

Спускаюсь на первый этаж, нахожу кухню. Толкаю дверь — та поддаётся с лёгким скрипом, и я замираю. «Взрослая женщина, а чувствуешь себя так, как будто прокралась ночью к холодильнику за мороженым, как в девять лет», — тихонько усмехаюсь я, и паника отступает.

Чувствую себя увереннее и вхожу в большую, хорошо обустроенную кухню, где пахнет тёплым очагом, специями, хлебом и свежими яблоками. Держу тенеискру на вытянутой руке и медленно обхожу помещение, исследую полки с посудой, котлы, связки сушёных трав, бочонки с мукой и крупами.

Тенеискра молчит.

Проверяю кладовую, погреб, ледник с мясом — снова ничего, ни единой искры.

«Значит, не через кухню, впрочем, я так и думала, теперь убедилась», — возвращаюсь в коридор и иду к лестнице. Замираю, стою прислушиваясь к тишине, и сворачиваю в сторону крыла с хозяйскими спальнями.

Сердце колотится чуть быстрее: если меня поймают здесь ночью, могут быть неприятности.

Осторожно, крадучись иду по коридору, держа магическое растение перед собой, проверяю каждую комнату на этаже. Гостевые комнаты — тишина, кабинет Ширрана — тишина, подхожу к спальням Раштаров и вдруг...

Тенеискра вспыхивает, да как! Искры на листьях начинают пульсировать, разгораясь всё ярче, и через считанные мгновения весь куст так и сияет мельчайшими искрами.

«Здесь две спальни», — оглядываю тяжёлые двери. Одна из них Ширрана, вторая — Далиры, какая кому принадлежит, я не знаю. Делаю шаг влево — и свечение слабеет, ступаю вправо — кажется, вспыхивает сильнее. Толкаю дверь в комнату, вхожу, тенеискра вспыхивает так ярко, что почти слепит.

«Ну, здравствуй, леди Змея, — чувствую сладковатый гнилостный запах, — посмотрим, что ты прячешь».

Осматриваюсь в роскошной комнате под стать хозяйке: тёмные шторы, тёмное покрывало с узорами, изящная мебель, очень много свечей. Во всём виден хороший вкус и немалые деньги.

Начинаю методично обходить комнату, тенеискра бьётся в руке, как живая. Свечение усиливается около туалетного столика, заставленного склянками, коробочками с украшениями.

«Где-то здесь», — чувствую я, ставлю горшок с цветком на стол и тщательно изучаю содержимое коробочек. Внутри горит такой азарт вкупе с адреналином, что я издаю довольный возглас, когда обнаруживаю за рядом флаконов с духами, три пузырька тёмного стекла, совершенно одинаковые и без надписей. Тенеискра тоже похожа на радостный цветок, если цветы таковыми бывают, так она сияет всеми цветами радуги, кажется, что на её листьях вспыхивает тысяча маленьких салютов. Становится так ярко, что я на секунду отшатываюсь.

«Вот оно», — осторожно беру один флакон, взбалтываю. Он такой же масляный и, кажется, такого же орехового цвета в неверном ночном свете, и всё же я уверена, что состав там совсем другой, не как в обманке, что всучила мне драконья леди.

«Забрать и изучить в снятом кабинете не выйдет, ведьма тут же обнаружит пропажу и начнутся проблемы, — смотрю, как поблёскивает жидкость за толстым стеклом. — Может, сказать Ширрану напрямую? — вспоминаю его реакцию на мой вопрос о зелье, которое даёт Далира, и понимаю: — Нет. Она соврёт, заявит, что я подбросила флаконы, обелит себя, а

меня, чего доброго, упрячут в тюрьму за клевету на знатную леди. Остаётся одно: попробовать понять, что там прямо здесь и прямо сейчас», — откупориваю пузырёк и подношу к носу.

Запах странный, многослойный, чувствую что-то горькое, что-то сладкое... Приноживаюсь глубже, пытаюсь разложить на составляющие.

«Туман-трава, однозначно, её тут больше всего, она и даёт этот дурманящий аромат...»

Чувствую что-то ещё, чего не узнаю, потом снова вдыхаю и понимаю: марянка, известная своими свойствами утихомиривать магию, только её часто используют для преступников, тех, кто не погнушался совершить беззаконие с помощью тёмной магии. Очень интересно... Но главное... главное то, что и без того противоречивый состав зачарован и зачарован сильной тёмной магией, от которой тенеискра просто сходит с ума, а усиленный магией этот отвар больше похож на проклятие в жидкой форме.

«Сварю антидот, — думаю я, закупоривая флакон. — Травы нейтрализовать я умею, зачарую светлой магией и посмотрим, что будет», — как бы мне не хотелось забрать зелье с собой, нельзя, чтобы Далира заметила и поняла раньше времени, что её маленький грязный секрет разгадали.

«Всё-таки это она. Жена. Истинная... — в голове не укладывается. — Зачем травить собственного мужа? Что она получает от того, что он без дракона? Главное, почему не сразу, а спустя годы брака? Сколько Ширран без дракона, год? А женаты они семь лет как... Неужели ей так нужен контроль над мужем? — мелькает мысль. — Власть? Без дракона он слабый, зависимый. Не может улететь, не может сражаться. Вынужден оставаться дома, рядом с ней...»

Вспоминается, как она обронила: «Я знаю, что такое ждать Ширрана. Сколько походов у него было, а я сидела у окна и ждала... Переживала, плакала...» Может быть, она решила, что проще не ждать? Удобно, когда муж всегда при тебе... Но это же безумие, они и так связаны магией крови. «Да и он, — с непонятной горечью признаю, — по-своему порядочен, если верить тому, что говорят слуги: не изменяет ей, не взял наложницу, не развёлся, несмотря на то, что она так и не родила за все годы... С Леей он поступил подло и непорядочно, но с истинной всё иначе, с неё лорд пылинки сдувает. Зачем бы ей проворачивать с ним такие номера?»

На душе становится тяжело, когда думаю о горькой участи Леи, о том, как она ждала и плакала, точно так же как Далира, только ещё беременная и опозоренная, вынужденная отбиваться от деревенских недоброжелателей.

«А может, они не истинные? — мысль обжигает. — А что, если всё это время Далира просто притворялась? Что, если «истинность» — тоже тёмная магия?». Вспоминаю, что как-то слышала историю одного дуранского генерала, который женился на истинной, а потом оказалось, что та была ведьмой и метка поддельная... Может, и Далира такая же? А что... что если я? Точнее, Лея была истинной? Они ведь всего единожды были вместе, а она тут же понесла, и Райан... Райан чудо как силен, по словам наставников у него оборот раньше срока будет...»

Я буквально покрываюсь испариной от этих мыслей, стоя с тёмным флаконом посреди чужой комнаты как какая-то воровка в тёмной ночи.

«Света, сейчас не время и не место для таких размышлений, ставь всё на место и уходи. Сейчас думать надо как антидот сварить и Ширрану на постоянной основе начать давать, пусть дракон проснётся, а уж потом... Потом займёшься всем остальным и...»

Громкий стук копыт прерывает душевные терзания, я бросаюсь к окну и тихонько отодвигаю краешек шторы.

Во двор въезжает карета.

«Раштары вернулись. Надо уходить», — аккуратно ставлю флакон на место, хватаю тенеискру и быстро отворяю дверь.

11. Продолжение

Выскальзываю в коридор, чувствуя, как бушует внутри адреналин, а сердце колотится так громко, что, кажется, слышно на весь дом.

Шаги раздаются на лестнице, слишком близко, и я, чувствуя себя загнанным зайцем, сворачиваю за угол и прижимаюсь к стене. Темнота укрывает меня, как плащ.

Ширран проходит мимо, в нескольких шагах от меня. Я вижу, как он идёт к своей комнате, недовольный, кулаки сжаты, а походка слишком стремительна для того, кто провёл приятный вечер на светском приёме.

Стою замерев, жду, когда покажется мадам Змея, но её всё нет. «Неужели он вернулся один?» — выжидаю ещё и ещё, в доме снова тихо и не слышно, чтобы кто-то поднимался по лестнице или шумел внизу.

«Надо сейчас же идти к нему и говорить насчёт пропуска в академию. Кто знает, может, он утром уедет на службу или ещё куда. Пусть делает мне нужные документы, пока я пойду варить антидот».

Преисполненная решимости быстро иду к себе, прячу тенеискру в дальний угол пустого шкафа и снова поднимаюсь к личным комнатам хозяев.

Стучу в дверь.

— Входи, — голос Ширрана глухой, усталый.

Открываю — и замираю на пороге.

Он стоит посреди комнаты, уже полураздетый. Рубашка сброшена, в свете камина блестит обнажённый

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.